Леонид Алексеевич Шервашидзе

Повесть о городе, взятом волнами

Текст печатается по изданию:
Шервашидзе, Л.А. Повесть о городе, взятом волнами - Сухуми:Изд-во “Алашара”, 1967
Рисунки автора

«Повесть о городе, взятом волнами» принадлежит перу абхазского ученого Л. А. Шервашидзе и в популярной форме рассказывает о трудных, но необычайно интересных поисках и об исследовании на дне Сухумской бухты остатков одного из древнейших городов на территории Советского Союза, города, называвшегося древнегреческими авторами «Славной Диоскурией», а римскими - «Себастополисом», и, вместе с тем, еще задолго до того уже имевшего сохранившееся и поныне абхазское название «Акуа».

Этот город, некогда богатый и цветущий, по неизвестным еще до конца причинам около двух тысяч лет тому назад был почти полностью поглощен и уничтожен морской стихией.

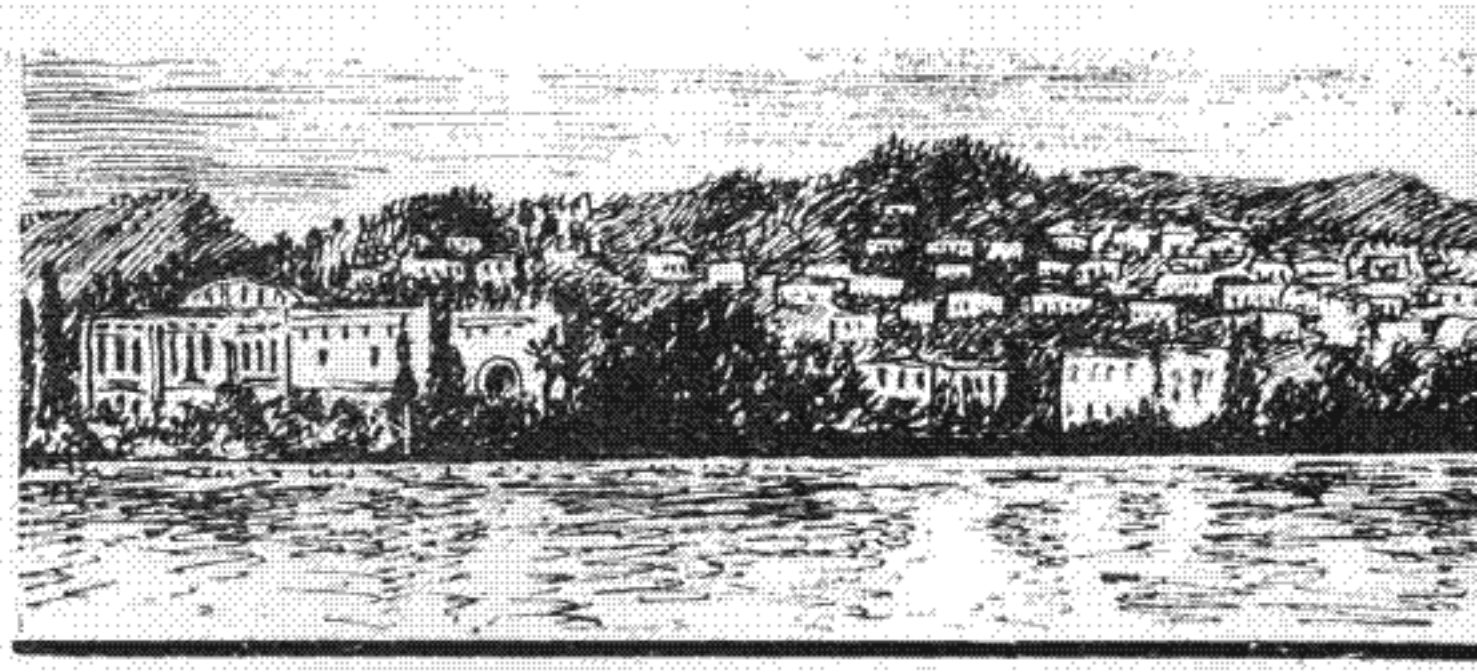
Читатель узнает и о находках, которые были сделаны на дне моря, и о том, что было найдено при раскопках на берегу, и еще о многом другом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К месту находки 5
Немного мифологии и истории 11
Под водой 21
Блокнот археолога 27
Подводные стены 37
Город, вставший из веков 47
Еще страница из блокнота археолога 57

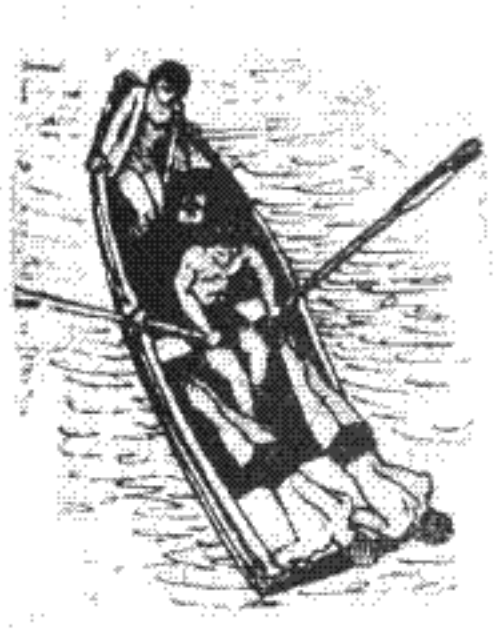
Наука таит в себе тысячи неразгаданных тайн
/А.Н.Несмеянов/

К МЕСТУ НАХОДКИ



Тихо скрипят уключины, и лодка, плавно скользя по спокойной воде, идет вдоль берега моря от крепости к устью реки Басла, или, как ее иначе называют, Беслетка. Медленно проплывают мимо выстроившиеся в ряд по берегу здания. За ними раскинулся амфитеатром белый город. Дома четко вырисовываются на фоне покрытых зеленью гор, а над морем, над городом, над горами - синее, без единого облака, небо.

Солнце, разбрасывая по поверхности моря ослепительные блестки, обливает нас своими горячими лучами.



Даже не верится, что сейчас только середина мая. Лето в 1957 году наступило на побережье Абхазии очень рано, и жара такая, какая бывает обычно на исходе июня.

На носу лодки в белом халате, одетом поверх голубого купальника, с неразлучной санитарной сумкой, сидит медсестра Юля Клижева. На веслах - Вениамин Иванович Скасырский, начальник Сухумской спасательной станции, мой учитель по водолазному делу и неизменный участник наших подводных путешествий. На корме мы вдвоем с водолазом Чичико Кобалия. Лежим, свесив головы за борт лодки, и пытаемся сквозь толщу воды рассмотреть проходящее под нами морское дно.

И хотя этот участок исхожен нами под водой вдоль и поперек и нам, хорошо известно, что здесь только ровное песчаное дно, наша фантазия рисует в искристом мареве потревоженной веслами воды изменчивые, зыбкие очертания каких-то лестниц, стен, арок...

Мы не отрываем глаз от воды, а лодка уже идет к устью Баслы, к тому самому месту, где был найден замечательный мраморный барельеф.

Это произошло в знойный августовский полдень. Берег был усыпан купающимися. У лодочного причала, около устья Баслы, было особенно людно. Одни взбирались на причал и оттуда прыгали в воду, подымая фонтаны брызг, другие вплавь гонялись друг за другом, уходя временами под воду, или, подплыв к отстоящим метрах в пятидесяти от берега подводным развалинам, вскарабкивались на них, вылезая по пояс из воды. Третьи

развлекались тем, что ныряли и доставали со дна песок и камушки.

И вдруг один из нырнувших (это был, как выяснилось после, физрук санатория Юра Мовчан) появился над водой и, размахивая руками, прерывистым от долго сдерживаемого дыхания голосом крикнул:

- Сюда! Скорее сюда!...

К нему со всех сторон начали подплывать.

Там, внизу... на дне... камень... плита... большая плита! — возбужденно выкрикивал, отплевываясь и фыркая, Юрий и снова нырнул, увлекая за собой еще нескольких пловцов. И там, на дне, они увидели плиту, которая своей светлой поверхностью четко выделялась на фоне песка и темного ила. Окружив плиту, пловцы общими усилиями начали тащить ее к берегу. Однако оказалось, что это не так легко. Песок и ил крепко держали плиту, и прежде чем ее удалось раскачать, то одному, то другому из пловцов приходилось выплывать на поверхность, чтобы вдохнуть воздух.

Наконец, медленно подымая клубы потревоженного ила, плита стала двигаться к берегу. Еще немного, и она легла на прибрежный гравий. Сразу же ее со всех сторон окружили купающиеся. Гулявшие по бульвару, увидев с другого берега реки толпу людей, склонившихся над чем-то, лежащим у самой воды, с тревогой спрашивали друг у друга:

- Что случилось? Не утонул ли там кто-нибудь?

Теперь, когда, покрытая водорослями и ракушками, плита лежала на песке, ее можно было ясно рассмотреть.

Высеченная из куска сероватого мрамора, чуть уширенная книзу, высотой около двух метров, плита имела сравнительно небольшую для своих размеров толщину. Один из ее нижних углов был по диагонали отломан.

Когда плиту перевернули, то на ней оказалось барельефное изображение двух женщин и мальчика. По счастливой случайности плита лежала на дне лицевой стороной вниз, и это спасло барельеф от разрушения.

Найденная плита — надгробная стела. Немало таких произведений дошло до нас из античного мира. Многие из них — шедевры изобразительного искусства.

Древнегреческое классическое искусство, жизнерадостное и жизнеутверждающее, даже на надгробных памятниках избегало изображений трагических сцен страдания, смерти. Поэтому умерший изображался живым, в расцвете сил, за обычным для него при жизни занятием, с теми, кто ему были наиболее дороги. Если это воин - он вооружен, часто с боевым конем; атлет - за гимнастическими упражнениями; мыслитель - погружен в размышления над свитком. На знаменитой так называемой стеле Гегесо умершая - молодая женщина. Она, сидя в кресле, перебирает драгоценности в шкатулке, которую держит стоящая перед ней служанка. На одной стеле с умершей прощается сестра, на другой - муж. Тут около нее опечаленные родители, там ей подносят запеленутого младенца.

И на всех этих барельефах нет места бурно выраженному горю и скорби. Только тихая грусть, молчаливая задумчивость, нежные взгляды, касания,

рукопожатия. Тем же настроением тихой грусти овеян и барельеф, найденный на дне моря, у устья Баслы. Как и на стеле Гегесо, молодая женщина сидит в кресле. Перед ней, опершись на ее колено, стоит мальчик. Одна его рука касается свисающей руки женщины, голова откинута назад, взгляд устремлен на лицо сидящей, которая, наклонив голову, смотрит на мальчика, положив на его плечо свою руку. За мальчиком стоит служанка, держащая на плече ящик, нужно полагать, с драгоценностями.

Все фигуры этой композиционно уравновешенной и замкнутой группы исполнены в очень низком рельефе и трактованы плоскостно. Однако при этом художник сумел создать легкую игру светотеней, дать впечатление объемности тел, просвечивающих сквозь прозрачную ткань одежд.

Стела вызвала большой интерес. После того, как местным археологом М.Трапш было опубликовано ее открытие, за изучение барельефа взялись многие советские ученые; сведения об античной стеле появились и в зарубежной печати. Теперь этот барельеф - один из ценнейших экспонатов Сухумского музея.

Изучение барельефа показало, что он был исполнен в V в. до н.э. и привезен из Греции. Но кто была та, кому принадлежало надгробие, кем было оно сооружено, кто был художник, его создавший - все это нам неизвестно.

Обычно подобные стелы имеют навершие, на котором помещается над-

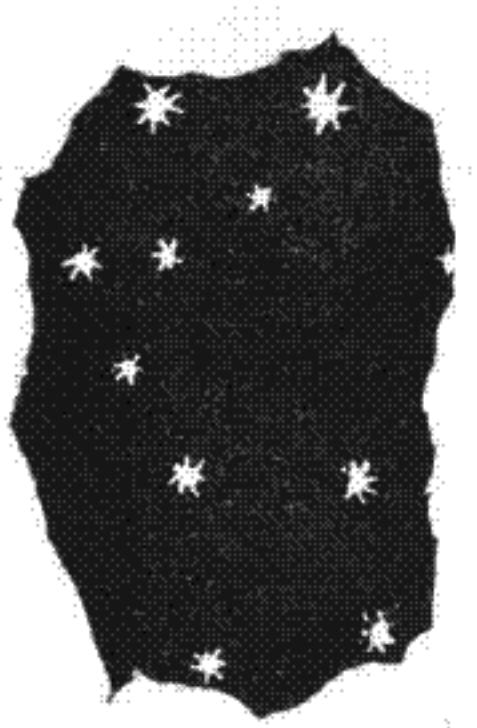
пись. Такое навершие, несомненно, было и на найденной стеле. На верхнем торце плиты есть гнезда, сохранившие следы медных стержней, которые скрепляли навершие с плитой.

Находка этого навершия, несомненно, пролила бы свет на многое. Вот с этой надеждой уже не в первый раз идем мы сейчас на лодке к тому месту, где была найдена стела.

НЕМНОГО МИФОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Черноморское побережье Кавказа называлось в древности Колхидой. Оно издавна привлекало внимание народов античности. О Колхиде говорили многие мифы и предания Эллады.

Именно здесь, на берегу Понта Эвксинского, как называлось тогда Черное море, терзал орел прикованного к скале Прометея, наказанного богами за то, что, похитив у них огонь, он подарил его людям. Сюда на волшебном золотом баране прилетел юный Фрикс, бежавший вместе со своей сестрой Геллой от злой мачехи, которая хотела погубить их. Гелла не удержалась



на спине летящего барана и утонула в море, названном по этому случаю Геллеспонтом, т. е. морем Геллы (ныне Дарданеллы). А Фрикс, исполняя волю богов, прибыв в Колхиду, принес им в жертву волшебного барана, а его золотое руно повесил в священной роще Ареса под охраной огнедышащего дракона.

Позже фессалийский царь Пелий, желая избавиться от опасного для него племянника Язона, отослал его в Колхиду за этим золотым руном. Язон вместе со своими друзьями отправился в опасный путь на корабле «Арго» и приплыл в Колхиду, которой правил тогда царь Айэт. Дочь Айэта, волшебница Медея, полюбила Язона. Она помогла ему добыть золотое руно и вместе с аргонавтами уплыла из Колхиды.

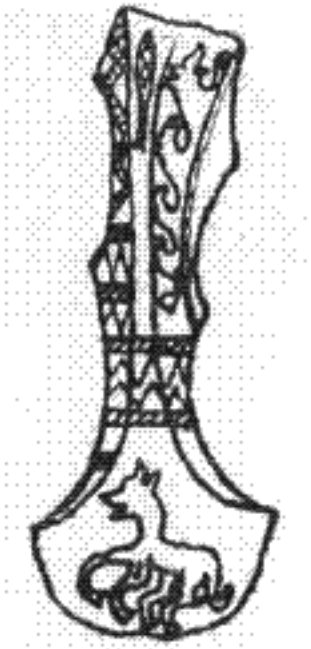
Среди спутников Язона были два полубога, братья-близнецы Диоскуры - Кастор и Полукс. По преданию, они основали на берегу Понта Эвксинского город, названный Диоскурией. Впоследствии Зевс, даровав бессмертие близнецам и поместив их на небо, как одно из созвездий Зодиака, сделал их богами-покровителями гостеприимства и помощниками мореплавателей. По другому преданию, Диоскурия была основана не самими братьями-близнецами, а их возницами, которые вместе с ними принимали участие в походе аргонавтов.

Вот такие мифы и предания, связанные с побережьем Черного моря, дошли до нас из глубин тысячелетий.

Многие античные авторы не особенно-то верили во все чудесные проис-

шествия, о которых рассказывалось в этих мифах. Так, например, греческий географ I в. н.э. Страбон, подробно описавший все известные в то время страны и земли, говорит о Колхиде: «Существуют рассказы... о богатствах этой страны, состоящих из золота, серебра и железа и заставляющих предполагать истинную причину похода аргонавтов, причину, по которой и раньше Фрикс снарядил это плавание». И еще: «Рассказывают, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур. Отсюда и сложилась, говорят, басня о золотом руне». Таким образом, и миф о волшебном полете золотого барана, и героический поход аргонавтов - все это оказалось обычной историей о предприимчивых искателях наживы.

Основание города Диоскурии древними авторами также объясняется без вмешательства мифологических личностей. Город этот, по их свидетельству, основан был в VI в. до н.э. милетскими купцами, которые вели обширную торговлю на побережье Понта Эвксинского. Назван же город был именем братьев-близнецов, нужно полагать, потому, что купцам этим приходилось постоянно бороздить изменчивые моря на своих непрочных судах, и они особенно почитали Диоскуров - покровителей мореходов. Возможно, по этой же причине на античных монетах иногда помещались или изображения самих Диоскуров, или их знак - две конусовидные шапки, увенчанные каждая шестиконечной звездой. Греческие купцы, приезжавшие на далекие берега Понта Эвксинского, были не более желанны для коренных жителей, чем



предшествующие им завоеватели. «Обыкновенно сюда приезжают эллины только по имени, а на деле варвары хуже нас, купцы и торгаши, привозящие дрянное тряпье и скверное вино и вывозящие наши товары». Так, по свидетельству автора I века н. э. Диона Хрисостома, о греческих купцах отзывается житель одного из городов Северного Причерноморья - Ольвии. Несомненно, что и жители Колхиды разделяли это мнение.

Необходимо отметить, что античные авторы, приписывая милетским купцам основание города Себастополиса, не были правы. Археологические находки и в самом Сухуми, и в его ближайших окрестностях красноречиво говорят о том, что вся эта территория была густо заселена задолго до прибытия сюда греков. А топонимические исследования с достоверностью доказывают, что этот населенный пункт уже с глубокой древности носил свое местное название «Акуа», название, которое через многие и многие века дошло до сегодняшнего дня, сосуществуя вместе с другими названиями, даваемыми различными пришельцами. Милетским купцам не было надобности обосновываться на пустынном, безлюдном месте. Им нужно было находиться среди местных жителей, чтобы скупать их товары и сбывать им свои, и потому они основывали фактории в населенных пунктах, где могли бы проводить свои торговые операции, иметь склады, надежные жилища для себя и спокойную гавань для своих кораблей.

Таким образом, греческие купцы не основали здесь города, но дали свое название уже существовавшему так же, как это делали впоследствии

и другие иноземные завоеватели.

О Диоскурии тот же Страбон в своей «Географии» говорит: «Диоскурия служит началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи; сюда сходятся, говорят, 70 народностей, а по словам других писателей, нисколько не заботящихся об истине, даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно...» и дальше: «Живущие там народы сходятся в Диоскуриаду, главным образом для покупки соли».

Плиний Секунд, видный римский ученый, погибший в Помпее в 79 году н. э. во время извержения Везувия, в одном из своих многочисленных трудов пишет о Диоскурии: «Теперь этот город находится в запустении, но некогда был до того знаменит, что, по словам Тимосфена, туда сходились 300 племен, говоривших на разных языках. И после того наши римляне вели здесь свои дела при посредстве 130 переводчиков».

В 134 году н. э. по поручению императора Адриана, правитель римской провинции Каппадокии Флавий Арриан совершил инспекторский объезд побережья Колхиды. До нас дошел его отчет об этом плавании. В нём обстоятельно рассказывается о всех встречных пунктах, стоянках судов и реках, о том, что видно с кораблей на берегу, о бурях, перенесенных в пути, и о многих других интересных подробностях.

В частности, Арриан пишет: «...мы раньше полудня прибыли в Себастополис. Поэтому мы в тот же день успели выдать жалованье солдатам,

осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров. Себастополис основан милетянами и прежде назывался Диоскурией».

Эти сведения Флавия Арриана нам особенно интересны. Они ясно говорят о том, что в первом веке нашей эры, когда Римская империя распространяла свое владычество по побережью Черного моря, здесь была построена крепость и помещен военный гарнизон; тогда римляне и переименовали Диоскурию в Себастополис.

Ни в IV, ни в V веках о крепости Себастополисе в письменных источниках нет упоминаний. В VI веке византийский историк Прокопий Кесарийский называет эту крепость «крепостицей», лежавшей по дороге от Лазики к Меотийскому болоту (Азовскому морю).

В середине VI века борьба за Кавказ между Византией и Персией, длившаяся около трехсот лет, достигла своего наивысшего напряжения. В 550 году шах Хосров Ануширван, решив нанести византийцам окончательный удар, посылает в Лазику огромное войско. Не надеясь на свои крепости, византийцы отвели гарнизоны, а для того, чтобы персы не могли закрепиться на побережье, они, прежде чем покинуть эти места, срыли стены своих крепостей - Питиуса и Себастополиса. Однако византийцам удалось вскоре вернуть свои позиции на побережье и восстановить разрушенное. Вот как пишет об этом Прокопий: «Император Юстиниан сей самый Себастополис, который прежде был не более как крепость, возобновил и стенами, и дру-

гими способами, так что город этот, по обширности и богатству, стал одним из первых на восточном побережье Черного моря».

После Прокопия Кесарийского античное название Себастополис перестает встречаться в письменных источниках. Только на итальянских картах XIV-XV веков одна из генуэзских факторий носит название Себастополис, Сан-Себастьян или Севаст.

В грузинских же летописях этот город носит название Цхум и только раз в них говорится: «...пришли в город Севаст, ныне именуемый Цхум».

Именно благодаря этому единственному, случайно сохранившемуся упоминанию, становится особенно ясной та преемственная связь, которая, как эстафета, передается разными названиями одного и того же города - Диоскурия, Себастополис, Цхум.

Что на дне Сухумской бухты скрыты остатки памятников античного времени, отмечалось очень давно, значительно раньше находки мраморного барельефа в устье Баслы.

В XVII веке итальянец Арканджело Ламберти упоминает о «разрушенном водой Себастополисе». Нужно полагать, отсюда и начались дошедшие до наших дней слухи о том, что в тихую погоду где-то в районе Сухумской бухты, на дне, сквозь толщу воды можно ясно видеть с лодки очертания домов, улиц и даже целых кварталов.

А может быть, и упоминание Ламберти, и слухи об остатках города под водой - все это было основано на каких-то более ранних, но не дошедших

до нас источниках.

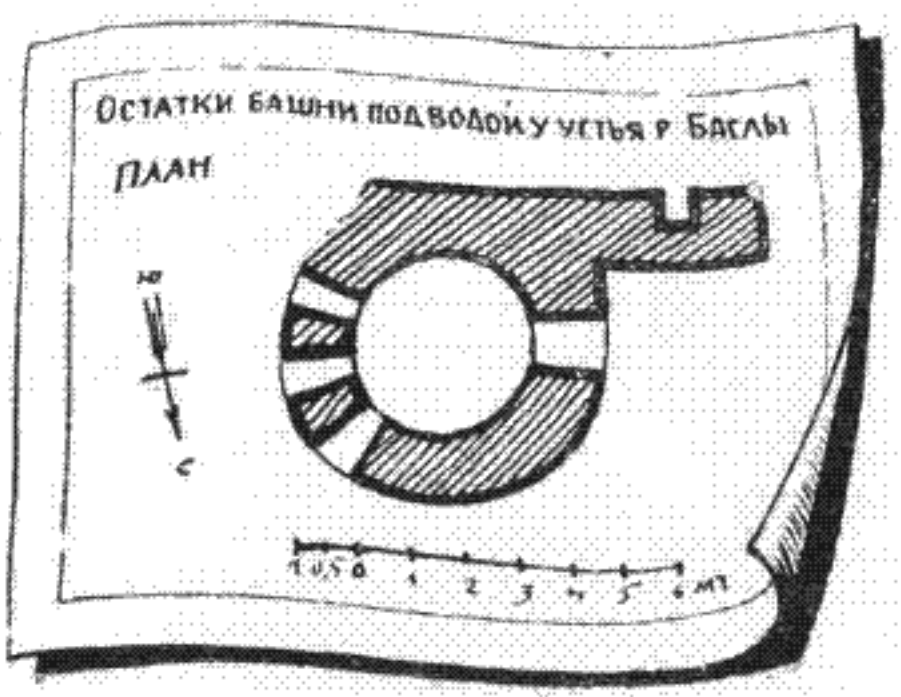
В конце прошлого века известный краевед и археолог Чернявский с двумя местными жителями, молодыми пловцами Метакса и Шангиреем, занимался поисками остатков сооружений на дне Сухумской бухты. Уже со второй половины прошлого века краеведы и исследователи нередко упоминали о найденных на морском берегу, случайно или во время специальных раскопок, черепках древней греческой посуды, монетах и других предметах античной культуры.

Обо всем этом было в какой-то степени известно и мне, но идея исследования дна бухты возникла у меня именно тогда, когда я узнал о находке античного барельефа. Второй причиной, уже решительно толкнувшей меня к подводному делу, был итальянский фильм «Голубой континент». В этой увлекательной картине показана работа исследовательской экспедиции на дне Красного моря. Ученые различных специальностей, в совершенстве освоив водолазное дело, чувствуя себя полными хозяевами подводного царства, могли свободно и легко проводить свою работу в, казалось бы, совершенно необычных для человека условиях. После этой картины мне стало ясно, в чем ключ успеха подводных исследований.

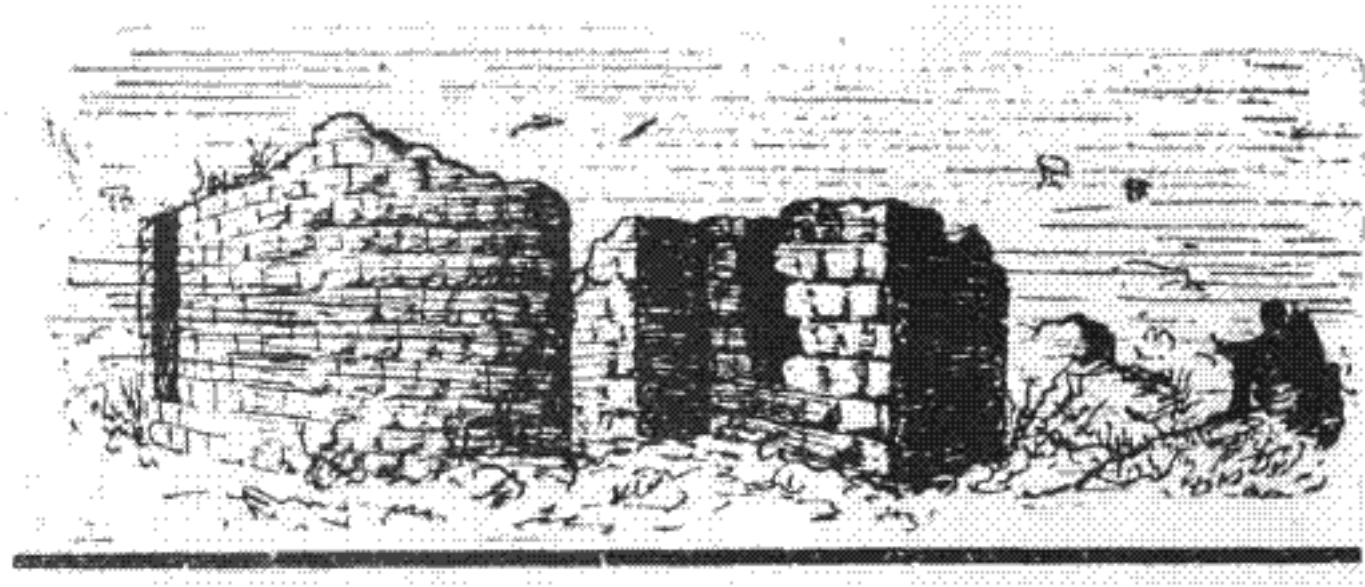
И профессионал-водолаз, не знакомый с работой исследователя, и ученый, не освоивший водолазного дела и не имеющий специальной подготовки, одинаково не могут быть уверены в успешных результатах подводных работ; это относится, в частности, к поискам и изучению остатков древнего города,

скрытых на дне Сухумской бухты. В 1953 году, после находки мраморной стелы, потийские водолазы погрузили на морское дно археологов А.Апакидзе и М.Трапша. Естественно, это погружение носило чисто символический характер. Не имея соответствующей подготовки, ни тот, ни другой не смогли не только изучить или обмерить, но даже просто рассмотреть подводное сооружение, возле которого их погрузили. Зато позже, в 1959 году, тот же археолог А.Апакидзе, уже изучив водолазное дело и пройдя соответствующую подготовку, получил возможность не только воочию увидеть находящиеся на дне Сухумской бухты развалины, но и внести ценный вклад в проведенные по этим сооружениям исследования.

Прошло несколько месяцев после того, как я смотрел «Голубой континент». Позади остались дни обучения, экзаменов, медкомиссий и тренировок. И вот, наконец, наступило время работы, нередко тяжелой, трудной, но всегда интересной и увлекательной. И, конечно, наше первое рабочее погружение происходило у устья Баслы, там, где был найден античный мраморный барельеф.

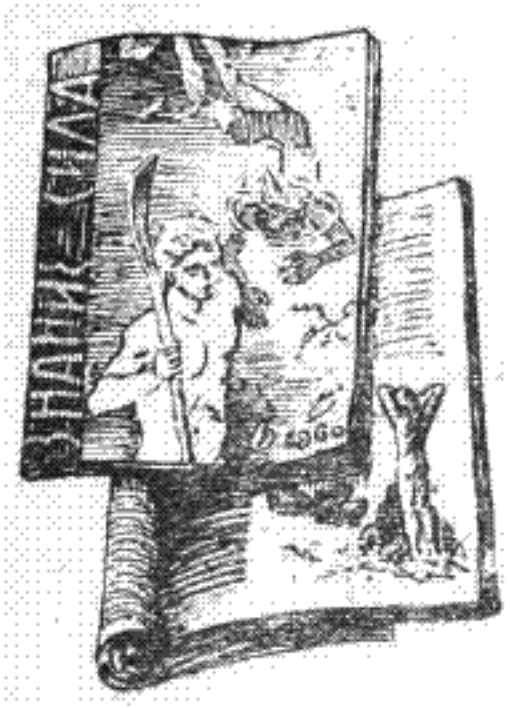

ОСТАТКИ БАШНИ ПОДВОДОЙ У УСТЬЯ Р. БАГЛЫ
ПЛАН
С
0 0,5 0 1 2 3 4 5 6 м

ПОД ВОДОЙ



Сменяя один другого, мы уходим на дно, чтобы тщательно, метр за метром, просмотреть грунт, проверить лежащие на дне камни. Время от времени приходится приостанавливать работу, чтобы дать улечься темным клубам тумана, которые образует потревоженный ил.

В поисках фрагмента стелы нас постигла неудача; этих кусков мы так и не нашли. Возможно, они и сейчас лежат где-то в стороне от места главной находки, а быть может, их занесло камнями, песком и илом. Не хочется думать, что небольшие по размерам куски мрамора от постоянного трения



о песчаное дно, от ударов камней во время штормов и бурь подверглись полному разрушению.

Обследование дна на месте находки стелы не единственная цель наших работ. Мы изучаем также находящиеся поблизости, под водой, остатки древнего сооружения. Эти руины и были причиной курьезной ошибки, допущенной известным английским писателем и замечательным спортсменом-подводником Джеймсом Олдриджем. В своей книге «Подводная охота», говоря о перспективах подводного спорта в СССР и, в частности, упоминая о затонувшем на дне Сухумской бухты городе Диоскурии, Олдридж пишет о дошедшем до него сведении, что на одном из зданий этого подводного города сохранилось даже изваяние пловца.

Эта информация, данная Олдриджем, причем в очень осторожной и предположительной форме, будучи подхваченной нашими журналистами и репортерами, сразу же обрела вид категорического утверждения. В журналах, наряду со статьями, появились даже изображения этого изваяния.

Из многих городов Советского Союза стали приходить письма с просьбой прислать фотографию статуи пловца, сообщить подробности о ней, о ее судьбе. Пришлось посылать разъяснение, что никакой такой скульптуры вообще нет. Видимо, просто переводчик не очень точно передал, что пловец, взобравшись на стену подводных развалин, будет возвышаться над поверхностью моря.

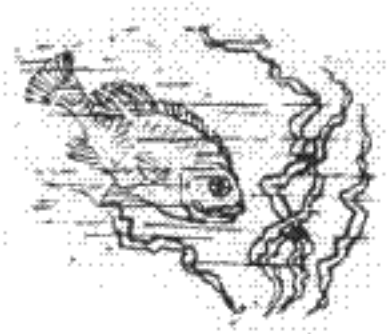
Развалины, которые мы собирались изучать, были сплошь покрыты

водорослями и острыми ракушками. И прежде всего нам пришлось, вооружившись водолазными ножами, начать очистку поверхности стен. Лишь после того стало возможно произвести обмер этих руин, снять их план, зарисовать характер кладки.

Оказалось, что это остатки круглой башни с примыкающим к ней еще больше, чем она сама, разрушенным прямоугольным помещением. Стены имеют толщину более метра и выложены из крупного неоколотого булыжного камня на известковом растворе. Башня небольшая, ее наружный диаметр около 6 метров.

В башне с одной стороны сохранился узкий дверной проем, с другой - три узкие оконные щели в виде бойниц.

Вокруг и внутри башни разбросаны упавшие с нее большие куски кладки и отдельные камни.



Обследование этой башни было нашим первым опытом изучения подводных сооружений, поэтому пришлось встретиться с рядом трудностей, связанных со спецификой работы под водой. Не говоря уже об иле, который при малейшем прикосновении подымал клубы густой мути, был очень труден сам процесс обмера, зарисовки и записей; фанера с наколотой на ней промасленной бумагой только и ожидала, чтобы выскочить из рук и удрать на поверхность; сама бумага начинала пузыриться и рваться, карандаш плохо ложился на нее, рулетка путалась, трудно читались отсчёты.

Все эти, казалось бы, мелочи сильно мешали работе и, нужно отдать

справедливость, в устранении этих трудностей большую смекалку проявил товарищ по подводной работе В.Скасырский. Он придумал и сделал множество разных мелких, но необходимых приспособлений, всевозможных грузиков, затяжек, подвесок, ремешков; по его же совету бумага была заменена простой гладкой фанерой, на которую замечательно ложится под водой карандаш.

Усевшись на обломок стены и поместив кусок фанеры на колени рисую на нем общий вид башни. Отрываюсь от работы, чтобы ответить на вопрос о самочувствии, который время от времени передается с лодки по сигнальному концу.

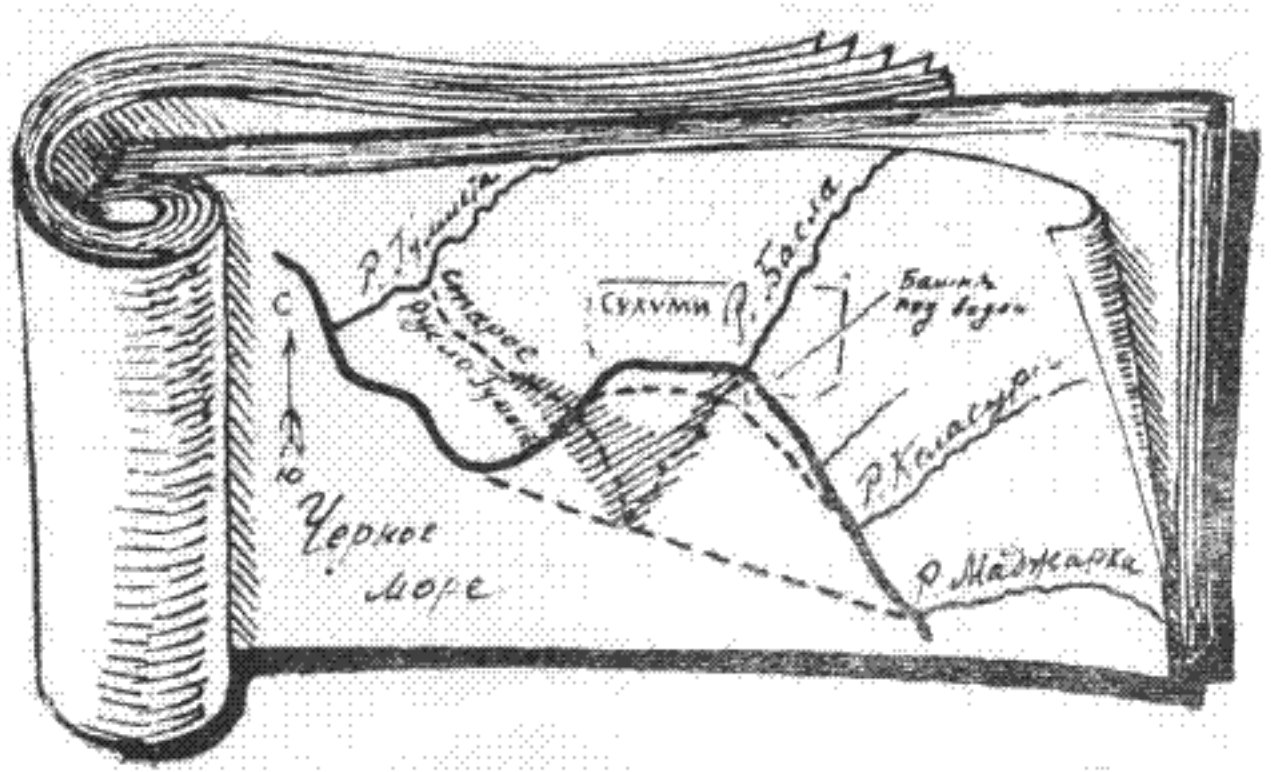
Кругом зеленоватые прохладные сумерки подводного царства. При такой благоприятной, как сегодня, погоде вода приобретает удивительную прозрачность. Тогда близкие предметы видны очень ясно, а чем дальше, тем больше теряется их четкость, и контуры их постепенно растворяются в зеленоватом сумраке.

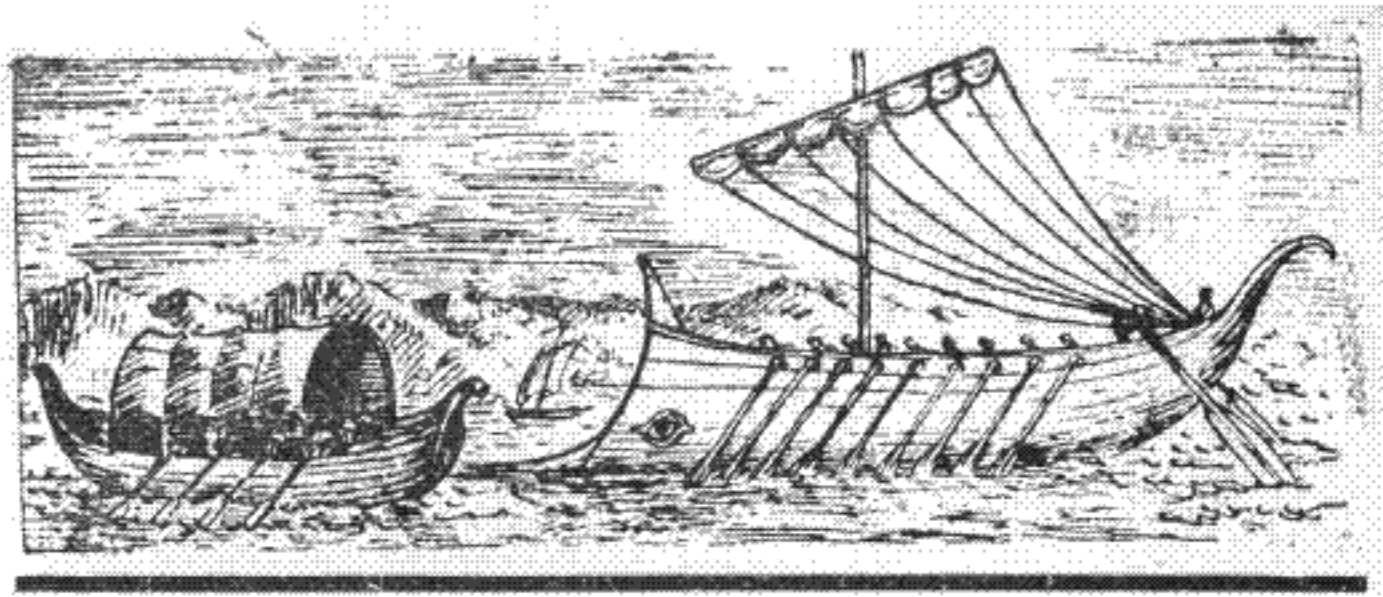
Сквозь толщу воды в виде светлого, расплывчатого пятна мерцает солнце; смутно обрисовывается темный силуэт лодки, с которой происходит наше погружение. У ног тихо колышутся стебли водорослей и между ними быстро проскальзывают маленькие рыбёшки. Чуть шевеля полупрозрачными краями, иногда тихо проплывают небольшие беловатые медузы; между камнями миниатюрный крабик ползет куда-то вбок, забавно перебирая коленчатыми лапками. А вот какая-то рыбка, подплыв, остановилась, как

бы вися в пространстве, пошевеливая плавниками; мы рассматриваем друг друга с нескрываемым любопытством. Но стоит мне протянуть руку, как рыбка мгновенно исчезает.

Обычно отрываться от работы и подыматься на поверхность заставляет, главным образом, всё усиливающееся ощущение холода. В воде теплоотдача значительно больше, чем на воздухе, а температура воды на дне много ниже, чем на поверхности, даже в самый жаркий день.

Но сейчас работу прерывает сигнал о подъеме. Медленно поднимаюсь. Постепенно усиливается мерцание колышущейся поверхности; все больше теряет зеленоватость и голубеет цвет воды, все яснее становятся контуры лодки. Наконец, водяная пелена разрывается, солнце на мгновенье ослепляет глаза; после подводных сумерек оно кажется необычайно ярким, и его горячие лучи особенно ласковыми.


Р. Гумиста
Старое русло Гумиста
Сухуми
Р. Басла
Башня под водой
Р. Келасури
Р. Маджарка
С
Ю
Черное море



На мой вопрос, почему дали подъем, Скасырский отвечает: «Уже пора, почти час под водой. И Лев Николаевич приехал, ждет нас». Я различаю на берегу выделяющуюся среди лежащих тел, одиноко стоящую фигуру в светлом полотняном костюме и широкополой соломенной шляпе.

- А ну, Чичико, давай к берегу, - говорит Вениамин Иванович сидящему на веслах водолазу Кобалия.

- А кто это - Лев Николаевич? - спрашивает Чичико.

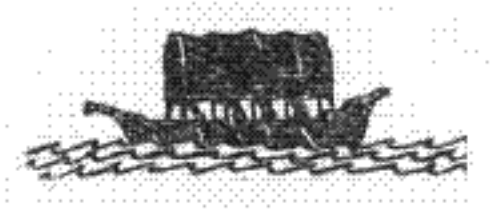
- Соловьев - он археолог и геолог, - объясняет Скасырский,- живёт в Адлере.

- А помните, Вениамин Иванович, - говорит Юля, на вашем столе лежала книга, так там была статья одного Соловьева про Диоскурию, Себастополис. Вы еще вслух читали нам. Так это не тот ли Соловьев?

- Тот, тот самый, - отвечает Вениамин, - эта статья была напечатана еще в 1947 году. Поэтому его так и интересует сейчас наша работа.

Лодка подходит к пляжу и, подхваченная волной, врезается в прибрежную гальку. Спрыгиваем, подтаскиваем лодку повыше и спешим навстречу Соловьеву. - Располагаемся кружком на горячем песке. К нам присоединяются несколько отдыхающих, постоянных болельщиков наших подводных исследований.

Разговор идет, главным образом, о наших работах, затем переходит на прошлое побережья. Кто-то спрашивает, обращаясь к Соловьеву, о том, когда и почему могли очутиться эти постройки на дне моря.



Лев Николаевич достает из своей полевой сумки большой блокнот, с трудом отыскивает чистый листок среди других, заполненных различными зарисовками и набросками.

Перегнув блокнот и вооружившись карандашом, он начинает:

- Мы видим сейчас перед собой обширное зеркало Сухумской бухты Так она выглядит в плане, - он чертит и одновременно поясняет, - вот эта дуга - бухта; в центре ее по окружности лежит Сухуми. Вот, - движение каранда-

ша, - протекающая через него Басла; выступ к западу - Гумистинский мыс, еще западнее - устье реки Гумисты. К юго-востоку - река Келасури, южнее - река Маджарка.

Около двух с половиной тысяч лет назад Сухумской бухты не было вовсе. Вместо нее, на расстоянии двух, а может, трех километров, простиралась низменность общей дельты рек Келасури и Гумисты, рек, которые тогда впадали в море прямо против нынешнего Сухуми.

Линию древнего берега легко представить себе, если соединить оконечность Гумистинского мыса с устьем реки Маджарки. О том, что это было именно так, свидетельствует то, что и там и здесь сохранились участки берегового вала и остатки диоскурийских солеварен. Береговой вал, образованный морским прибоем, когда-то существовал и в промежутке между ними. На этом сухом и возвышенном песчаном пространстве концентрировались, по-видимому, основные жизненные центры Диоскурии: пристань, склады, крепость. Позади них, среди заболоченных дельт, раскинулись поселки и сады Диоскурии. При своем впадении в море река Гумиста, как и многие современные реки Абхазии, образовывала широкий и глубокий залив-лиман, отделённый частично от моря песчаной косой. В спокойных водах лимана качались плоскодонные суда эллинов и большие крытые лодки, так называемые «камары», местных приморских жителей - гениохов.

Жизнь шла своим чередом, но своим чередом действовали и таинственные, не распознанные до конца и в наше время, силы природы. Текто-

нические, в основном, причины подготовили коренное изменение берега. Сначала река Гумиста переменила свое русло и стала впадать в море на 6 км западнее, т. е. по ту сторону Гумистинского мыса. За ней, естественно, стала передвигаться и намытая соединенным действием моря и реки дельта Гумисты. Теперь речные наносы - галька и песок в своем движении с северо-запада на юго-восток (что объясняется господствующим направлением ветра и зависящим от него течением) откладывались на северо-западной стороне Гумистинского мыса и, достигая его конца, сгружались в открытое море, не попадая в бухту. Но морское течение, освобожденное от этого балласта, заходя в бухту, совершало в ней круговое движение против часовой стрелки. Теперь оно уже не приносило наносов, защищающих берег от размыва, а, наоборот, забирало с берега рыхлые наносы и уносило их вглубь.

К этому прибавилось отмеченное для первого века до н.э. небольшое повышение уровня Черного моря. Море прорвало линию древних береговых валов и двинулось на сушу, забирая постепенно постройки и виноградники города.

Особенно тяжелым ударом для Диоскурии должна была быть потеря прекрасной гавани-лимана. Тогда же море разрушило и кладбище, находившееся на левом берегу Баслы. Оно было тут, где мы с вами сейчас сидим. Ведь именно здесь в 1953 году со дна моря была извлечена та самая мраморная стела, недостающие части которой сейчас отыскивают.

Таким образом, обрушившаяся на Диоскурию морская стихия в тече-

ние одного лишь столетия в корне подрезала основы существования этого цветущего города.

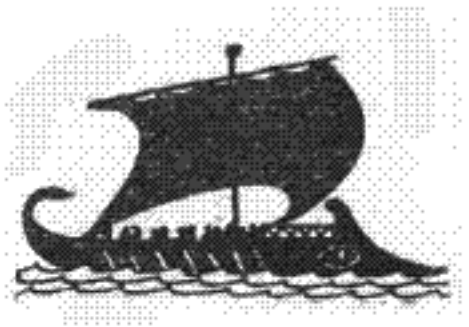
Прошли еще века, и теперь следы когда-то знаменитого города настолько уничтожены морем, что даже местонахождение его является спорным.

Лев Николаевич положил блокнот на песок и обвел взглядом слушавших его. Лица всех выражали напряженный интерес. Минуту-другую стояла тишина, как бы навеянная картиной гибели цветущего города. По-прежнему серебристо искрилось море, по-прежнему с безоблачного неба посылало солнце горячие лучи. Тишину прервал один из отдыхающих, пожилой москвич.

- Вы сказали, что вопрос о местонахождении Диоскурии является спорным? Почему? Разве предполагается еще какое-то место, кроме Сухумской бухты, где мог находиться этот город?

Лев Николаевич поправил очки, потер коротко остриженную бороду.

- Видите ли, - начал он, - о Диоскурии нам известно, в основном, из различных дошедших до нас письменных свидетельств древних авторов. Некоторые из этих авторов сами проплывали вдоль побережья на своих кораблях и оставили подробный перечень всех встречавшихся им на пути городов, стоянок, рек, иногда даже с указанием расстояния между ними. Местонахождения некоторых из этих пунктов нам точно известны, они соответствуют современным поселениям. Древний Питиус находился там, где сейчас Пицунда; река Фазис текла там, где течет сейчас Рион, город



Эйя, или позже Фазис, был на месте Поти. А зная расстояние от них до Диоскурии, нетрудно определить место, где она находилась. И этим местом оказывается Сухуми.

- А из-за чего же тогда разногласия?

- Главная причина в том, что античные мореплаватели не имели у себя на кораблях достаточно точных приборов; расстояние между отдельными пунктами с корабля определялось поэтому приблизительно, «на глазок». Отсюда и расхождения в оценке расстояний между отдельными древними авторами.

Эти расхождения и были, в основном, одной из причин для разногласий краеведов и исследователей как прошлого века, так и современных. Одни считали, что Диоскурия находилась на месте нынешнего Сухуми, другие же помещали ее к востоку от него, у устья реки Кодор.

Однако нужно отметить, что мнение «сторонников Сухуми» в какой-то мере подтверждается теми находками, которые были сделаны на территории города.

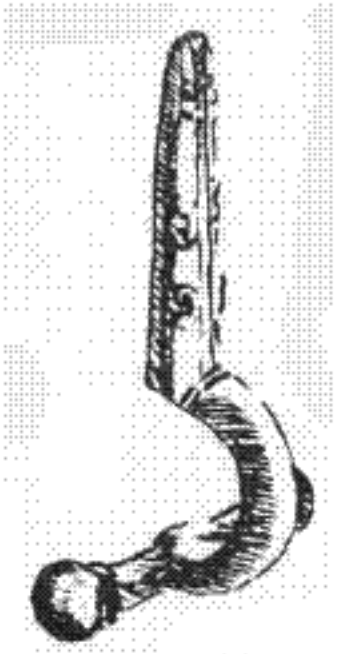
- Что это за находки?

- Одна из первых значительных находок - это обломок каменной плиты с латинской надписью; он был найден в 1896 году во время постройки набережной около Сухумской крепости.

Надпись сохранилась только частично, поэтому точный смысл ее полностью не восстанавливается. И все-таки она очень интересна тем, что

содержит в себе имена Адриана - римского императора - и Флавия Арриана, того самого правителя Каппадокии, который в 134 году н. э. совершил инспекторский объезд по Черноморскому побережью Кавказа и оставил нам подробный отчет о своем путешествии.

Затем многочисленные находки на территории Сухуми, сделанные или случайно, или во время различных археологических раскопок: черепки античной керамики, монеты, различные украшения и другие предметы... Дальше - остатки под водой той самой башни, которую продолжают еще исследовать наши товарищи, и, наконец, замечательная античная мраморная стела с барельефом, случайно найденная метрах в двадцати от того места, где мы сейчас сидим.

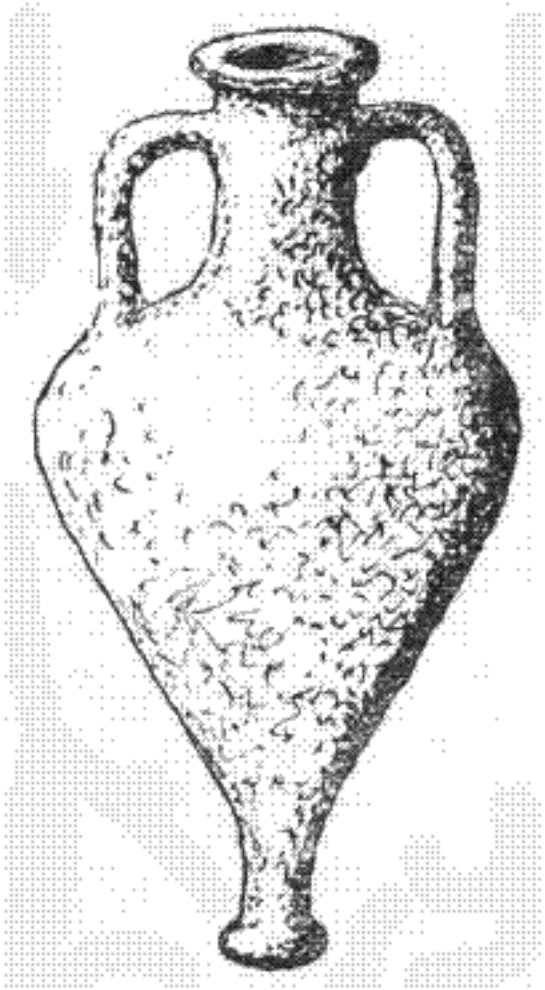


- Но ведь этого всего вполне достаточно! - воскликнул москвич. - Какие же могут быть еще сомнения?

- Нет, для полной уверенности всего этого, к сожалению, недостаточно.

- Почему? Разве мраморный барельеф, который был найден здесь, ничего не доказывает? - спросила сидевшая в нашем кругу и до сих пор молча и внимательно слушавшая девушка в оранжевом купальнике, цвет которого замечательно гармонировал с ее загаром и золотистыми кудрями.

- Видите ли, - повернулся к ней Лев Николаевич, - барельеф представляет огромный интерес, это - аргумент, но недостаточный. У нас нет оснований утверждать, что стела обязательно должна была быть на городском клад-



бище Диоскурии. Мраморная стела могла украшать могилу, находившуюся и в чьей-нибудь усадьбе. Хоронить близких у себя в саду, в винограднике или на своем поле - это древняя традиция, которая сохранилась во многих абхазских селах и до сих пор. А черепки посуды, монеты и другие предметы - все это, конечно, говорит о наличии здесь остатков какого-то поселения, но в то же время не дает еще права утверждать безусловно, что здесь находился город.

Абхазский писатель и исследователь Дмитрий Иосифович Гулиа, очень критично относящийся к вопросу о нахождении Диоскурии на месте Сухуми, пишет в одном из своих трудов: «Наилучшим фактом, характеризующим местонахождение большого города, будут не единичные черепки, не монеты, но фундаменты и остатки зданий».

- Ну, вот как раз башня под водой, - сказала девушка в оранжевом купальнике.

- Отдельная башня, какая имеется на дне около нас, или фрагменты стены какого-то единичного сооружения еще не говорят о том, что здесь остатки города или городской крепости. Ведь отдельно стоящая башня или здание - явление довольно частое.

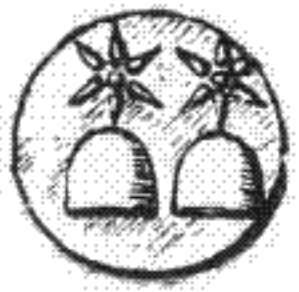
- Так что же, значит, для того, чтобы доказать, что Диоскурия была здесь, нужно обязательно найти целый город с башнями, стенами, домами, улицами?! - воскликнул, приподнявшись на локте, один из болельщиков.

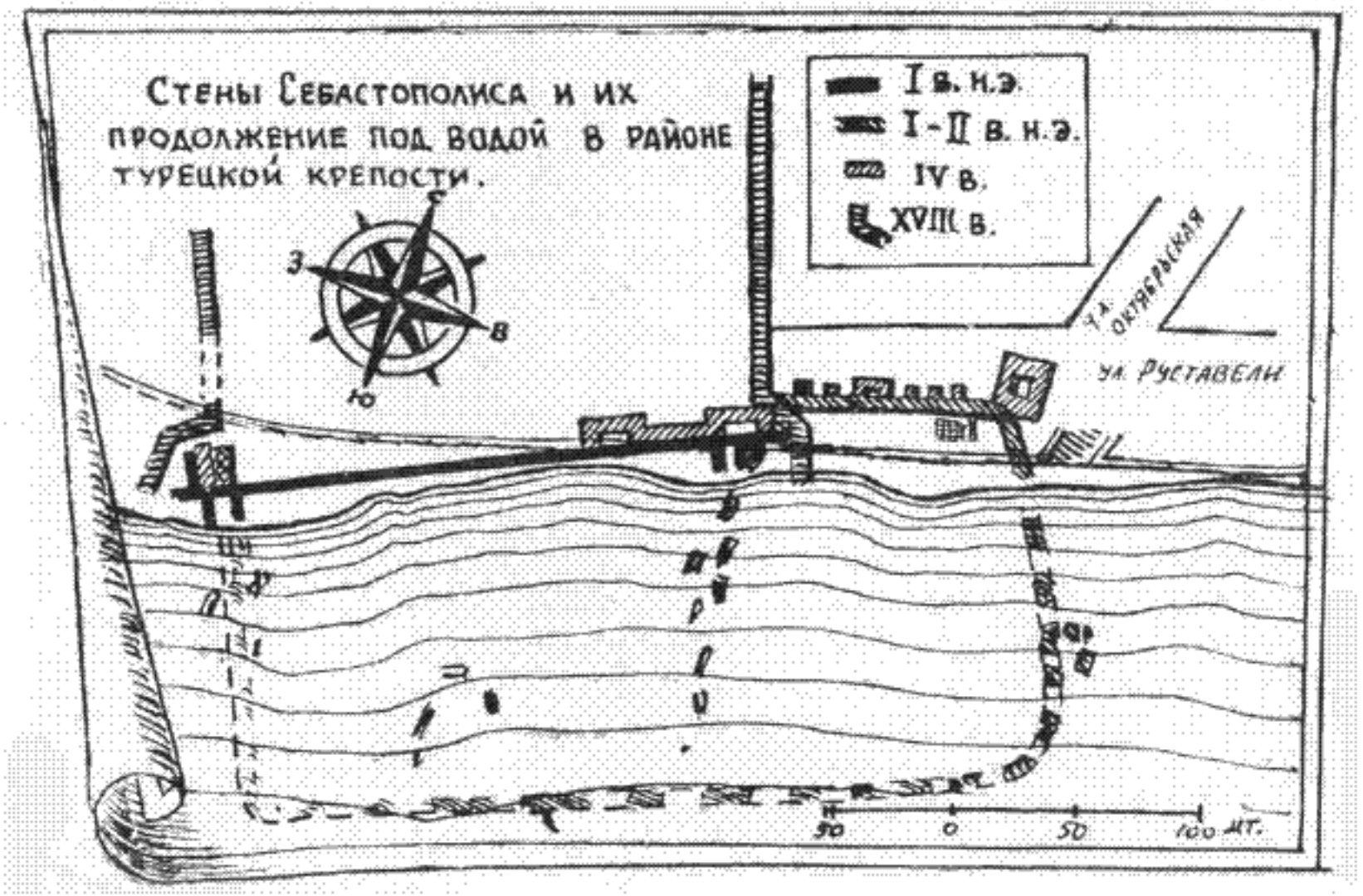
- Нет, зачем. Не обязательно целый город, - возразил Лев Николаевич,

- но, во всяком случае, те, пусть даже очень незначительные, фрагменты зданий, которые могут быть найдены, должны своим планом, расположением, назначением убедительно говорить о том, что они действительно являются частью когда-то существовавшего здесь города.

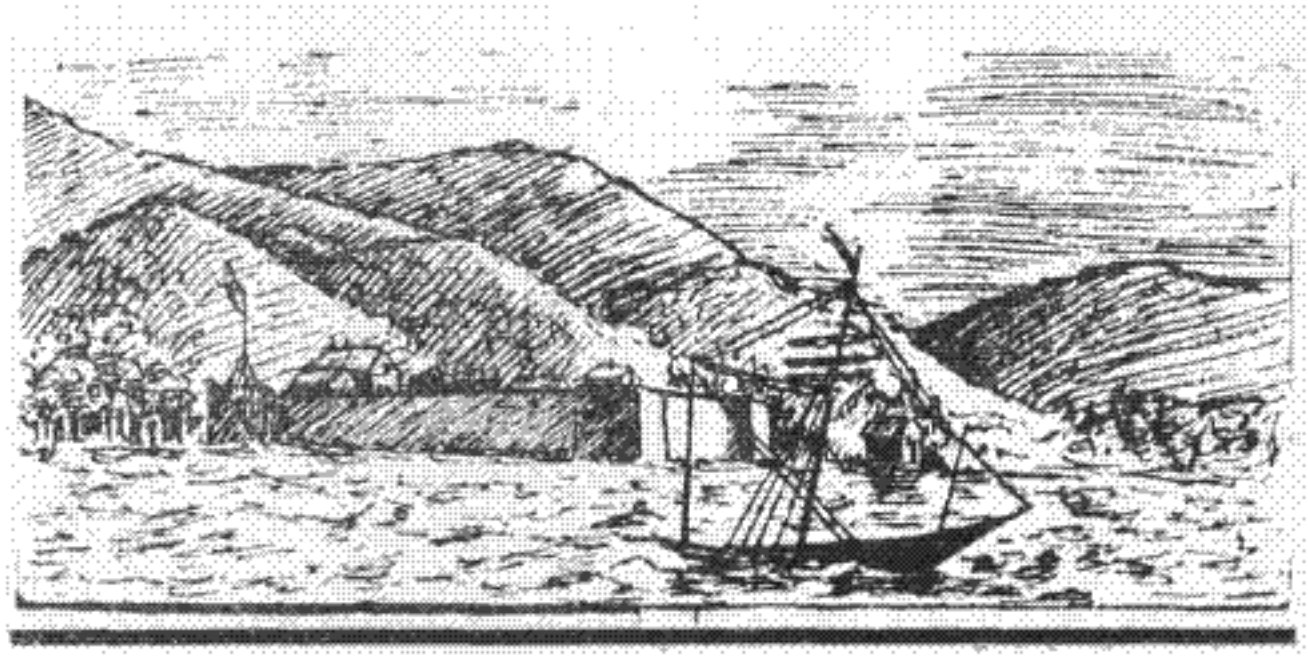
Кроме того, обязательным условием должно быть совпадение по времени датировки этих фрагментов с теми историческими данными, которые имеются у древних авторов.

- Таким образом, - закончил Соловьев, - при сегодняшнем положении вещей, т.е. пока не найдены остатки города, вопрос о местонахождении Диоскурии не может выйти за рамки гипотезы. Будем надеяться, что подводные работы наших товарищей дадут нам ответ на этот спорный вопрос. Я же лично твердо убежден, что Диоскурия находится именно здесь, в Сухумской бухте, и что этому, в конце концов, найдется неоспоримое подтверждение.




Стены Себастополиса и их продолжение под водой в районе турецкой крепости.
I в. н.э.
I - II в. н.э.
IV в.
XVIII в.
З
В
Ю
ул. Октябрьская
ул. Руставели
50
0
50
100 мт.

ПОДВОДНЫЕ СТЕНЫ



После жарких безоблачных дней неожиданно наступила пасмурная погода. Дождя не было, но небо почти сплошь заволокло серыми тучами. Видимость под водой значительно ухудшилась, поэтому решили заняться тралением и хождением по концу. Эти способы подводной разведки значительно облегчают работу, если нужно обследовать большую площадь дна. Потому мы продолжали пользоваться ими и тогда, когда снова прояснилось и видимость под водой стала нормальной.

Первый способ заключается в следующем: две лодки, идя параллельно

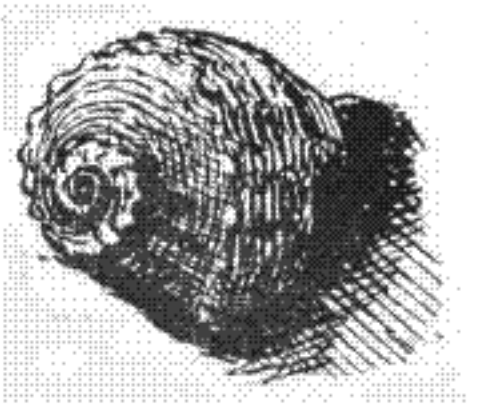
на расстоянии примерно 50 метров друг от друга, волокут по дну увешанный грузами канат, или, как его называют по-морскому, «конец». Дойдя до определенного места, лодки поворачивают назад и проходят следующую полосу, параллельную первой. Итак, полоса за полосой, словно гигантскими граблями, прощупывается заранее намеченный участок морского дна. Обычно дно покрыто мелким песком или мягким бархатистым илом, и тогда грузы спокойно движутся по дну. Но если на пути окажется препятствие, рука, держащая конец, начинает ощущать толчки, и канат, зацепившись за невидимый предмет, останавливает, как на якоре, обе лодки. Тогда кто-нибудь из нас погружается на дно и выясняет, в чем дело. И каждый раз при этом снова и снова появляется надежда: а вдруг именно сейчас откроются под водой стены древнего города? Но увы, каждый раз это оказывается или кусок потонувшего рельса, или какой-нибудь обломок, какие нередко встречаются на дне судоходных бухт.

Иногда мы исследуем дно другим способом. Лодка идет в определенном направлении, делая зигзаги для захвата более широкой полосы, а один из нас, погрузившись на дно, ведомый прикрепленным к поясу сигнальным концом, следует за лодкой. То состояние невесомости и чувство парения, которое так характерно для подводных условий, особенно ощутимо при таком способе передвижения. Внизу гладкое песчаное дно, на котором идут параллельные линии волнистых складок, будто барханы в пустыне. Кое-где на поверхности песка чернеют кустики водорослей, похожие на длинный

ветвистый мох. Обычно, если копнуть под таким кустиком, то оказывается, что он растет на коричневой ракушке рапана, почти целиком зарывшегося в песок. Рыбаки говорят, что рапан, нарядная, яркая ракушка, сравнительно недавно появился на побережье Абхазии и сразу же проявил себя как агрессивный хищник. За несколько лет он почти полностью вытеснил и уничтожил другие виды ракушек. Особенно пострадали устрицы, которыми когда-то изобиловала гудаутская коса, носившая даже название «устричной».

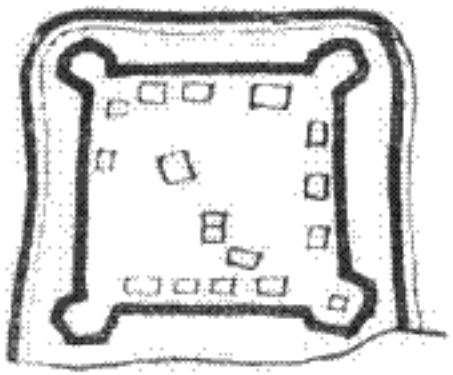
Так, по нескольку часов изо дня в день, в течение двух с лишним месяцев, километр за километром, все дальше и дальше отходя от Баслы в сторону Келасури, продолжали мы эту работу, не находя ничего о подводном городе и утешая себя тем, что мы зачеркиваем «белые пятна» на морской карте Сухумской бухты.

Но мы не сдавались! Ведь именно где-то здесь, против растянувшихся длинной полосой пляжей, по словам старожилов и по разным другим сведениям, находятся остатки города, остатки, которые якобы можно ясно видеть с лодки в тихую погоду. Нельзя особенно доверять различным, часто противоречивым слухам и свидетельствам «очевидцев», но в то же время не нужно и пренебрегать ими.



Вот поэтому-то мы и продолжали свою работу, испытывая после каждого дня разочарование, но в то же время где-то в глубине сердца храня надежду на завтрашний день, и, как оказалось, не напрасно.

Если идти от устья Баслы по набережной вдоль приморского бульвара, то



в конце его увидим развалины крепости, построенной в XVIII веке турками. Когда-то эта крепость представляла собой замкнутый квадрат с выступающими бастионами по углам.

Сейчас примыкающая к морю часть крепости разрушена и вдоль нее проложена набережная. А за парапетом набережной, на берегу, высовываясь из воды, громоздятся массивы обломков разрушенной стены и бастионов. Вот сюда-то, против этой крепости, и перенесли мы работу после того, как на нашей карте вся полоса морского дна вдоль пляжей постепенно заполнилась не очень радующей нас косой штриховкой, которая означала: «здесь ничего нет».

Воспоминания о неудачах предыдущих недель были еще очень свежи, и поэтому мы с большим волнением собирались начать работу на новом месте.

Именно тут, по словам Чернявского, было с помощью двух его молодых помощников найдено в 1876 году сооружение, названное им «замком». И местонахождение этого сооружения и оно само описаны им довольно подробно.

Лодка стоит на якоре в районе, где, по описанию Чернявского, должен находиться под водой этот «замок».

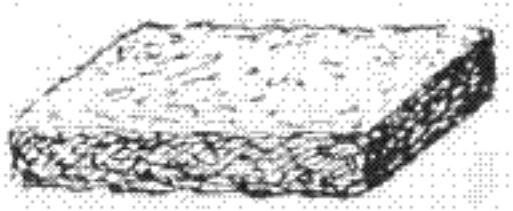
Первым погружается Вениамин Иванович. Он медленно уходит вниз, перебирая руками якорный канат. Его темное от загара тело все больше теряет четкость очертаний и по цвету постепенно начинает сливаться с

белесо-зеленоватыми тонами морской глубины. Только белый шлем и никелированный баллон за спиной продолжают просматриваться еще некоторое время, а потом и они исчезают. Равномерно, виток за витком, уходит под воду сигнальный конец. Еще один виток, еще... Все! Витки на дне лодки перестали разматываться. Из глубины идет сигнал: «Стою на грунте». И очень скоро вслед за этим снова сигнал: конец дергается раз, второй, третий. Подъем!

Что так быстро собрался наверх Вениамин Иванович?

Мы с нетерпением ожидаем его выхода на поверхность. Но раньше его самого из воды показываются его руки, держащие большой, весь облепленный ракушками и морскими водорослями продолговатый кирпич. Мы принимаем этот увесистый трофей и бережно помещаем его на дне лодки.

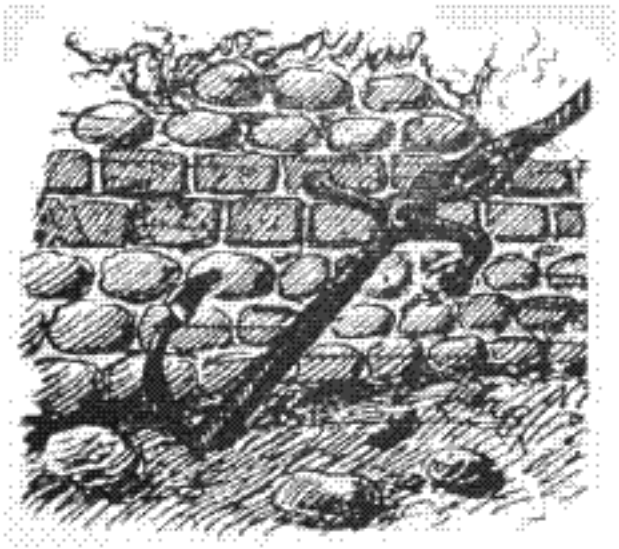
Сидя на борту и отстегивая ремни аппарата, Вениамин Иванович сообщает, что замка нет, но есть большой фрагмент стены, сложенный из булыжника. Направление стены перпендикулярно берегу. С одной стороны из-под частично разрушенного слоя булыжника видна кирпичная прослойка. Этот кирпич как раз оттуда. С любопытством рассматриваем его. По своей форме и размерам он может быть римским и датироваться первыми веками нашей эры. Хронологически это не совсем совпадает с теми сведениями, которые мы имеем о Диоскурии, но зато вполне сходится со временем существования Себастополиса. И хотя этого, пока что не проверенного аргумента, недостаточно для того, чтобы точно и уверенно датировать найденное сооружение и дать ему географическую прописку, но, во всяком случае, это,



несомненно, уже удача, которая, кто знает, возможно, вознаградит нас за все предыдущие тщетные поиски.

Теперь моя очередь идти на погружение.

Якорный конец теряется где-то в глубине, и по мере того, как я спускаюсь по нему, постепенно становится видным его продолжение. Наконец, показывается, сперва туманно, потом все яснее и яснее, лежащий на грунте якорь. Одна из его лап глубоко зарылась в грунт. И тут же, около якоря, вижу массив стены. Все так, как говорил Скасырский. Толщина стены около двух метров. Несмотря на то, что поверхность облеплена водорослями, можно и теперь разобрать крупную булыжную кладку на известковом растворе. Кладка прерывается поясом из уложенного в два ряда большого кирпича продолговатой формы, такого же самого, какой был поднят на лодку.



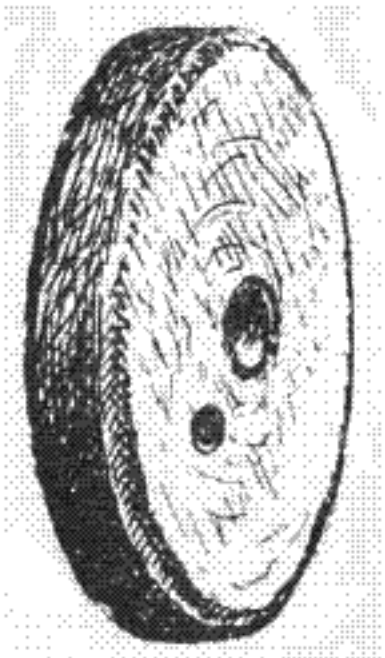
Все дно, и близ стены и дальше от нее, покрыто камнями от разрушенной постройки. Одни из них - отдельные булыги, другие - сцементированные друг с другом раствором обломки стены разных размеров.

Дальнейшее изучение участка показало, что за этим массивом на некотором расстоянии идет другой, расположенный в том же направлении, затем еще и еще.

Некоторые из этих фрагментов стены имеют небольшой наклон, другие сохранили свое вертикальное положение, но все, несомненно, являются фрагментами одной и той же, частично разрушенной до основания стены. А того замка, о котором говорил Чернявский, так и не оказалось, несмотря на

то, что мы очень тщательно просматриваем всё близлежащее пространство. В чем же дело? Где же этот замок, о котором так подробно говорит Чернявский? Может ли быть, что это сооружение, простояв около двух тысячелетий, оказалось разрушенным именно за последние 80 лет, то есть после того, как его нашел Чернявский? Мало вероятно, хотя в какой-то мере возможно. Ну, а если это даже так, разве могло это сооружение быть разрушенным настолько, чтобы от него не сохранилось даже следов, восстанавливающих очертание его плана? У Чернявского сказано: «Замок имеет два сомкнутых отделения, одно совершенно круглой формы, другое — четырехугольной, последнее более разрушено». Постойте, постойте! Ведь это что-то очень хорошо знакомое! А вот еще слова Чернявского: «...стены древнего замка, подымающиеся из глубины около шести метров настолько, что я мог обходить вокруг по пояс и местами по шею в воде». Ну, конечно, ведь круглая башня у устья Баслы — та самая башня, которую мы обмеряли прошлый месяц, в точности соответствует этому описанию! Что же, простое совпадение? Нет. Нужно думать, что произошла путаница, какая нередко бывает с полевым материалом, когда он поступает на обработку спустя продолжительное время. Чернявским была обследована башня у устья Баслы, но в статье по ошибке она оказалась помещенной против крепости, где он также производил работы.

По сравнению с работами на других участках, где дни и недели проходили в однообразной констатации отсутствия следов древнего города, здесь поч-



ти каждое погружение открывало новые стены или какие-нибудь предметы материальной культуры. Во время одного из погружений среди каменных глыб и обломков стен был найден жернов ручной мельницы, весь покрытый водорослями и ракушками. Кроме сквозного отверстия, у этого жернова имеется еще круглое углубление ближе к краю, в которое вставлялась ручка, чтобы крутить жернов во время помола зерна. Такие же жернова, правда, уже почти не употребляющиеся практически в хозяйстве, можно и сейчас встретить в домах некоторых абхазских крестьян.

Не менее знаменательной была и другая подводная находка. Это большая каменная ступа, по наружной поверхности которой крестообразно расположены четыре вертикальных ребра в виде выступающих валиков. Эти валики, будучи наиболее высокими у верхнего края, постепенно книзу сходят на нет. Нужно полагать, что эти выступающие ребра служили не столько для украшения ступы, сколько для придания ей особой прочности, которая ей была особенно необходима при крепких ударах тяжелым пестом.

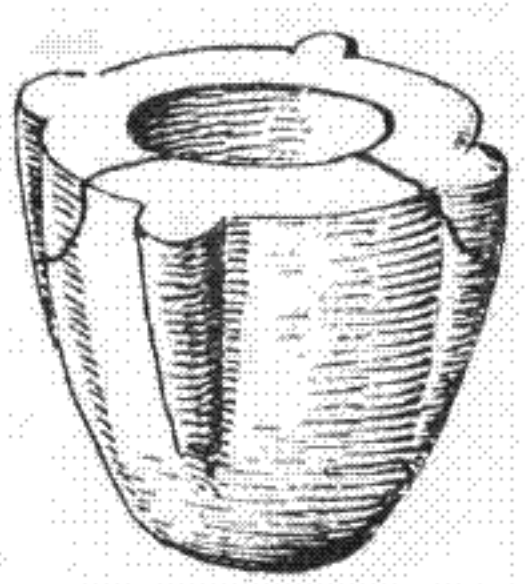
Интересно, что ступа, в точности повторяющая форму найденной в Сухумской бухте, но значительно меньшая по величине, украшает одну из витрин Эрмитажа, где расположены находки, относящиеся к поздне-античному периоду северного Причерноморья.

Позже со дна был поднят тесаный камень, представляющий часть какой-то арки, постоянно в большом количестве извлекались черепки глиняной посуды.

Точно фиксировать на плане находящиеся под водой фрагменты стен и места отдельных находок - дело довольно сложное, но и здесь нам помогла сноровка и изобретательность Вениамина Ивановича.

Вдоль набережной идет парапет с установленными на нём через определенное расстояние столбами-лампионами. У берега последовательно против каждого лампиона закреплялся конец намотанного на катушку троса с бляшками через каждые пять метров, на которых отмечено расстояние. Катушка с тросом помещалась в лодку и, постепенно разматываясь, отводилась метров на 150 от берега в море, в направлении, перпендикулярном линии берега. Там катушка опускалась на дно. Один из нас, погрузившись у берега, шел по тросу, обследуя полосу дна. При появлении стены или какой-нибудь находки это место фиксировалось с помощью бляшек на тросе. Там, где это нужно, производились дополнительно промежуточные промеры между бляшками.

Итак, полоса за полосой, от одного лампиона к другому, была обследована территория дна вдоль берега на протяжении почти трехсот, а от берега к морю - около ста пятидесяти метров. Массив за массивом наносятся на миллиметровку найденные под водой фрагменты. Соединяясь в прерывистую цепочку, они образуют в плане фигуру, близкую к удлиненному прямоугольнику, который вытянулся параллельно берегу.

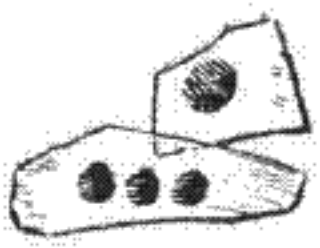


Восстановлению границ этого комплекса, помимо фрагментов стен, помогло и то, что площадь его ясно обозначается остатками сооружений,

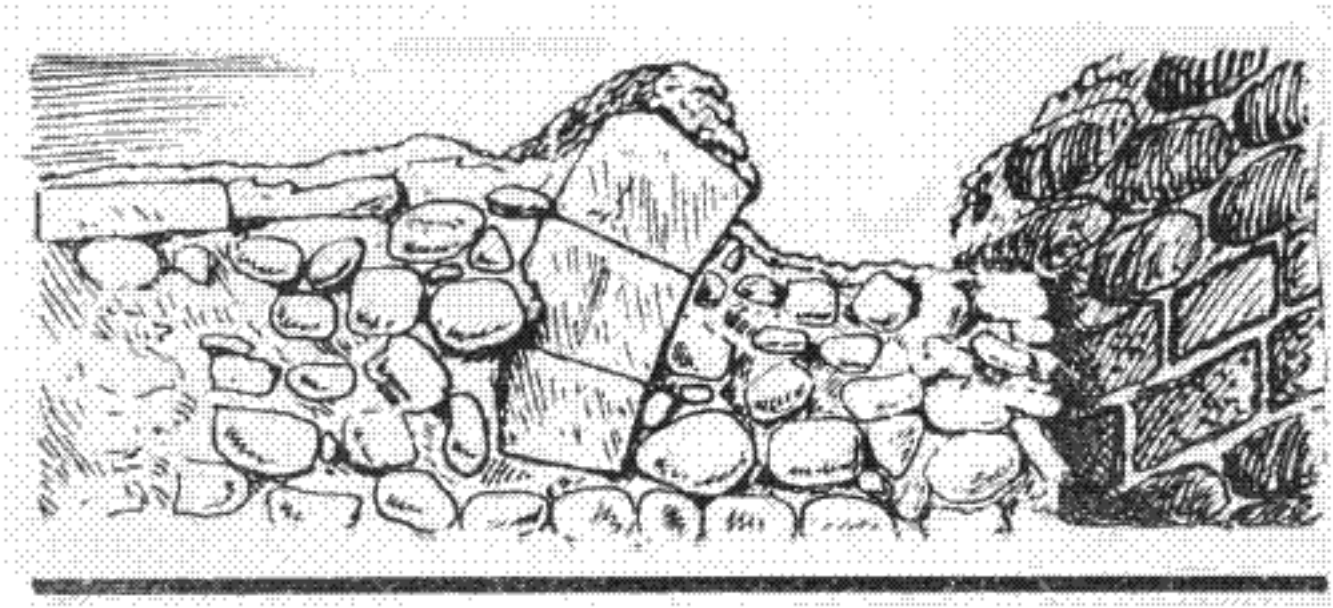
устилающими дно сплошь или в виде отдельных булыг, колотых камней и кирпичей, или в виде обломков стен различной величины. Вне этого комплекса дно обычно покрыто только песком и илом.

Найденные под водой фрагменты стен и сооружений пока что позволили делать только догадки о их происхождении и назначении. Во всяком случае, уже сейчас было очевидным, что все они не имеют ничего общего с турецкой крепостью и являются остатками значительно более древнего какого-то мощного, возможно, крепостного сооружения.

Решить окончательно вопрос о том, что представляют собой эти находящиеся под водой остатки сооружений, помог неожиданный случай, который вместе с тем разрешил, наконец, многолетний спор о место нахождении Диоскурии и Себастополиса.



ГОРОД, ВСТАВШИЙ ИЗ ВЕКОВ



Неотложные институтские дела, затем зима со своими штормами и непогодой, наконец, большая экспедиция - все это надолго прервало наши работы по изучению дна бухты. И вот я снова в районе турецкой крепости, почти через год после того, как мы наносили на план найденные около нее остатки подводных стен. И теперь, после такого большого промежутка времени, проходя по набережной, я увидел, что рабочие горсовета, разбивая продолжение приморского бульвара, прокапывают глубокую параллельную берегу траншею. Траншея эта, как мне объяснили, предназначалась для

заполнения ее специальной землей, годной для посадки деревьев и других растений.

Меня, однако, заинтересовала не сама траншея, а открывшаяся в ней очень мощная стена, которую рабочие с большим старанием и трудом разрушали с помощью зубил и кувалд. Толщина этой стены была более двух метров, а сама она тянулась по всей длине почти стометровой траншеи, местами достигая поверхности грунта, местами обрываясь, чтобы затем снова появиться в том же направлении. С одной стороны стена прерывалась пересекающей ее турецкой крепостью, из другой же она по дуге заворачивала в сторону моря. С нагорной стороны к стене примыкали какие-то мощные массивы.

Эта совершенно не известная до сих пор стена, которая, судя по ее виду, могла быть частью какого-то большого сооружения, представляла огромный интерес. Меня же она особенно заинтересовала потому, что вид ее мне был хорошо знаком: эта характерная кладка, эти большие булыжники, положенные на известковом растворе, эта прослойка из кирпича. Обрывки такой же стены я уже видел, но тогда они были густо покрыты водорослями и облеплены ракушками. А кирпичи совсем такие, как тот, который был в прошлом году извлечен Скасырским из подводной кладки.

Очень интересным было также и то, что во время рытья траншеи у этой стены находили множество глиняных черепков, часто покрытых красным лаком, относящихся к III-IV веку н.э.

Чем дольше я рассматривал и изучал эту стену, тем все больше убеждался в том, что и она, и обрывки стен, обнаруженные на дне моря, - все это вместе составляет единое целое, один большой комплекс. Это окончательно подтверждалось тем, что линия направления стены после ее поворота к морю в точности совпадала с одной из сторон подводного прямоугольника; по этой линии тянулась прерывистая цепочка находящихся на дне остатков стены.

Научная и историческая ценность вновь открытых руин была настолько значительна и очевидна, что ни мне, ни Льву Николаевичу Соловьеву, к этому времени перебравшемуся уже окончательно из Адлера в Сухуми, много объяснять или уговаривать кого-нибудь не было необходимости. Достаточно было только сообщить о появлении этого древнего сооружения и показать его на месте, чтобы вопрос о его дальнейшей судьбе тут же получил благоприятное решение у тех, от кого это зависело.

Правда, как обыкновенно бывает в таких случаях, послышались и скептические высказывания: нужно ли вообще заниматься этими руинами, мол, они не представляют никакого исторического интереса и поэтому незачем препятствовать их разрушению и устройству сквера. Однако эти одиночные высказывания не имели успеха. Устройство сквера на этом участке и разрушение стены были приостановлены, и Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И.Гулиа Академии наук Грузинской ССР начал расчистку памятника.

И вот тогда началось самое интересное.

Изо дня в день все больше и больше освобождались из земли скрытые в течение многих веков руины: толстые стены, укрепленные контрфорсами, мощные башни, тёсаные камни, образующие арку; пол, выложенный из очень больших квадратных керамических плит; круглые кирпичи, такие, какие употреблялись при постройках бань; большие керамические трубы водопровода, мраморная чаша со сливом, которая, несомненно, служила для украшения фонтана.

Рассматривая предметы, найденные при расчистке, переносишься в далекое время, когда были живы те, кто создавал их, кто пользовался ими, кто ходил здесь среди этих стен. Вот один из глиняных светильников; он сверху украшен розеткой, на нем сохранилась копоть от огня, который горел почти две тысячи лет тому назад. Или другой светильник, несомненно, местной работы, формы голубя.

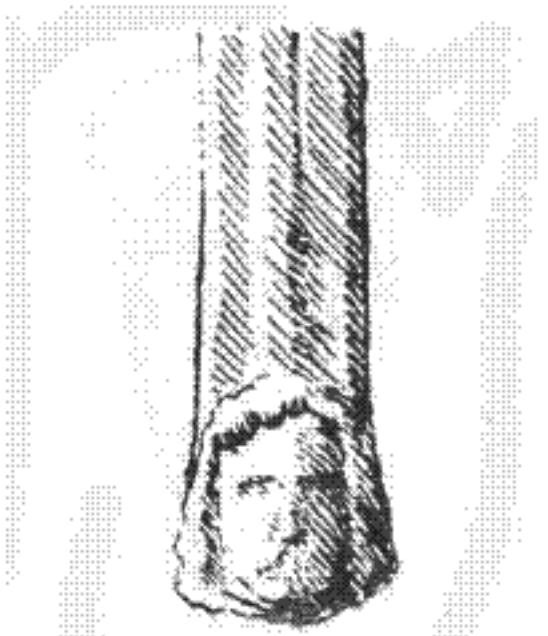
Черепки краснолаковой керамики, чудесные блюда, украшенные кругами и волнистыми линиями, большие кубки, всевозможные кувшины и чаши А вот еще черепок, на нем отштамповано изображение птички. Или вот ручка от амфоры, на ней тоже штамп, но здесь надпись по-гречески «Гераклея» - место, откуда была привезена эта посуда. Еще ручка, она украшена человеческой головой с длинными кудрями и округлым овалом лица. Глаза широко открыты. Кто мастер, который создал это лицо? Кого оно изображает? Или вот еще черепки посуды, на них чем-то острым нацарапаны буквы.

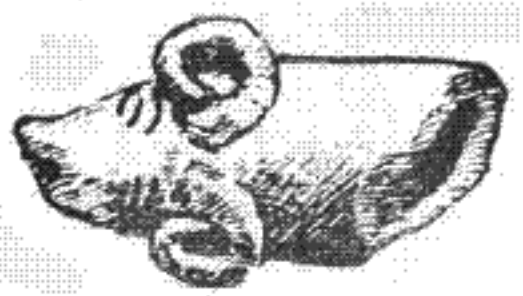
Возможно, это отметка хозяина посуды. Некоторые черепки глиняной посуды с внутренней стороны покрыты густым темно-красным налетом, это от вина, которое когда-то в этой посуде хранилось; на других черепках тоже налёт, но черный, блестящий. Такие следы, как полагают, образуются в течение веков на стенках сосудов, в которых хранился мёд.

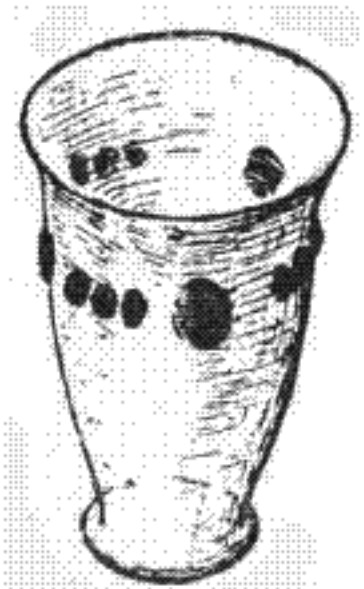
Еще черепок, но он почему-то обтерт по краям, ему придана форма эллипса. Может быть, море его так обкатало? Нет, тут несомненно вмешательство человеческой руки! Ну да, разве вы забыли, как дети играют в «классы», бросая камешек или черепок, а потом перегоняя его из одной начертанной на земле клетки в другую?! А черепку для удобства придают именно такую форму, сперва осторожно откалывая, а затем обтачивая по краям о твердый шероховатый камень.

А вот еще детская игрушка - глиняный свисток, имеющий форму бараньей головы с закрученными спиралью рогами.

А сколько здесь обломков стеклянной посуды! Одни из них очень массивные, из толстого стекла, стенки других — тоньше яичной скорлупы. Все они покрыты жемчужной, отливающей всеми цветами радуги пленкой, которая образуется в течение веков на поверхности стекла. Некоторые из этих стёклышек кажутся просто волшебными. Вот, например, кусочек стекла: на светлом фоне он невзрачного бледного, чуть зеленовато-желтого цвета, но если поместить его на темном фоне, он вдруг становится темно-сиреневым с очень интенсивным вишнево-красным оттенком.







А вот прозрачные кусочки стекла, украшенные стеклом же, но матовым, синим или молочно-белым. Какая изысканность чувствуется даже в этих обломках, какое богатство и разнообразие форм в этих причудливых, упруго изогнутых ручках кувшинов, в этих горлышках фляг с широкими раструбами, в массивных ножках бокалов! Можно представить себе все великолепие этой посуды, когда в лавке продавца на себастополийском базаре она сверкала и искрилась под солнечными лучами.

Бронзовые монеты. Одни сильно разрушены многовековым пребыванием в земле, их поверхность покрыта толстым слоем окисей и на них почти ничего невозможно рассмотреть. Зато другие удивительно хорошо сохранились: видны мельчайшие детали.

Вот монеты понтийских городов. На одной из них, синопской, с трудом можно разобрать фигуру Персея, держащего в руке голову Медузы. А вот римские монеты Аврельяна, Константина I. С одной стороны их гордый профиль этих императоров, с другой — аллегорическая сцена, говорящая о величии и божественности их власти.

Тонкий бронзовый браслет, судя по величине, женский, на нем по концам стилизованные головки животных.

А вот бронзовые застежки — фибулы. Ими скреплялись концы плаща на плече. Бронзовый перстень, на его верхней пластинке тонко вырезана печать: обрубленный ствол дерева с перекладиной, увешанной доспехами и оружием. Это так называемый «трофей» - знак победы, который греки и

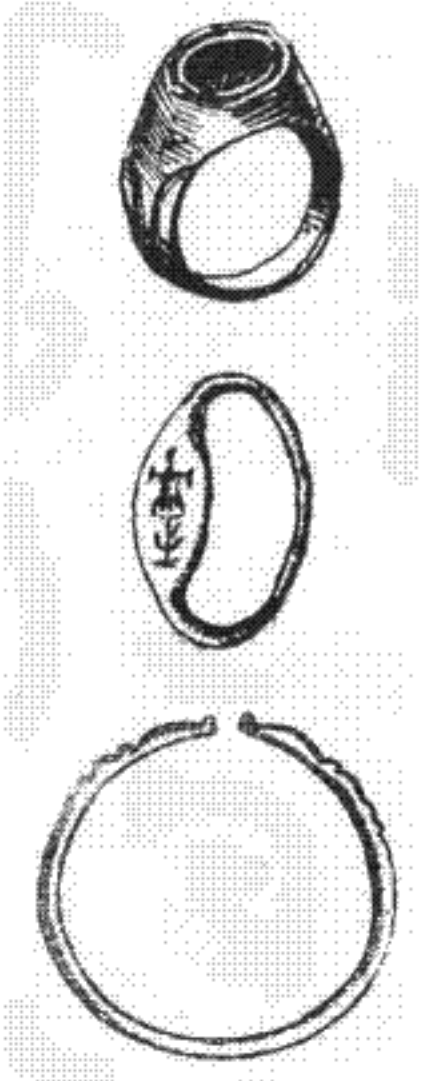
римляне устанавливали на месте удачного сражения, используя для этого вооружение побежденных врагов.

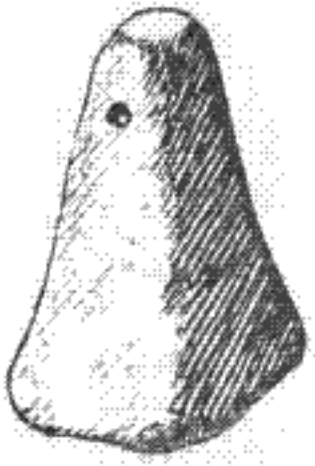
Другой перстень массивный, из червонного золота. В отличие от того, бронзового, принадлежавшего, нужно полагать, военному, этот мог украшать руку какого-то знатного вельможи или богатого купца. Кто знает, может быть, этот перстень обронен в то время, как его владелец совершал вечернюю прогулку, и пролежал много столетий, пока не был найден теперь, во время расчистки?

А вот опять бронза, но это уже бесформенные куски необработанного окислившегося металла, спекшегося со шлаком. Как ни странно, эти невзрачные, не имеющие никакой художественной ценности кусочки представляют вместе с тем большой интерес. Они говорят об очень многом, а именно о том, что здесь производилась обработка металла, что здесь были мастерские, где изготовлялись различные изделия, что не все из найденных при расчистке бронзовых предметов были привозными, многие могли быть изготовлены на месте.

И еще предмет, говорящий о ремесле,— это грузило для ткацкого станка, оно из обожженной глины и имеет форму четырехгранной усеченной пирамиды со сквозным отверстием наверху.

С каждым днем чем дальше, тем все яснее становилось, что здесь после многих веков открывается город с крепостью и гарнизоном, с мастерскими и с торговыми лавками; город благоустроенный и украшенный, живший





интенсивной жизнью; город, где процветали торговля и ремёсла.

Изучение открытых сооружений и предметов, найденных при расчистке, позволило установить, что строительство наиболее ранних из этих сооружений относится к I веку н. э., других - к III веку и, наконец, более поздних - башен и контрфорсов - к IV веку.

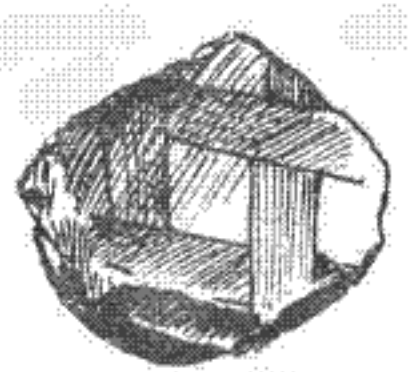
Не все найденное при расчистке относилось непосредственно к Себастополису, но и такие находки часто бывали исключительно интересными. Например, чудесные донышки чаш, относящихся к так называемой «дманисской керамике». Внутренняя поверхность этих чаш расписана очень яркими и прозрачными красками по орнаменту, нанесенному острой палочкой на еще сырой глине.

Особенно интересной из таких находок была настенная мозаика, вернее, остатки ее, несомненно, украшавшие какой-то христианский храм и относящиеся к VII - VIII векам н. э. Эти остатки мы нашли около большой угловой башни, у поворота стены к морю. Они были большей частью в виде отдельных кубиков, реже - в виде небольших, отпавших от стены кусков штукатурки с вкрапленными в нее кубиками. Мы с интересом рассматривали и перебирали эти кубики, а когда они были промыты, мы смогли любоваться их удивительно гармоничным и изысканным красочным сочетанием. В основном это бледные и очень чистые оттенки синих, голубых, зеленых, желтых цветов; как контраст с ними - кубики очень интенсивного темно-синего цвета.

Цветные кубики из стекловидной массы - смальты, очень неправильной

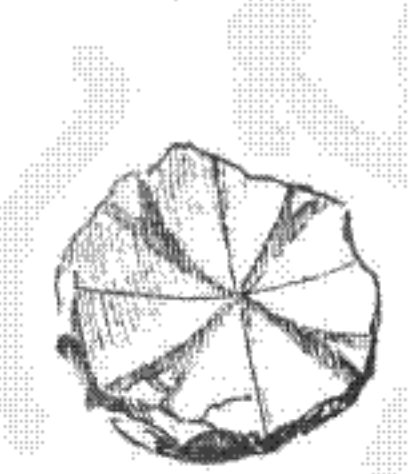
формы. Видно, что они грубо откалывались от больших кусков, отчего и получались их неровные грани и углы.

А вот другие такие же кубики, но они уже из естественного камня: черные, серые, светло-розовые.



А вот еще плоские, квадратные пластинки из прозрачного стекла. В отличие от цветных кубиков они имеют очень правильную форму. На них кое-где сохранился тонкий слой золота. Эти пластинки служили для получения ровной и блестящей поверхности нейтрального золотого фона, на котором особенно выразительно выделялись выложенные из цветных кубиков изображения.

Неправильная форма цветных кубиков, несомненно, соответствовала художественному замыслу мастеров, исполнявших стенную мозаику. Вот несколько кусочков отпавшей от стены штукатурки, в которой кубики сохранились вкрапленными. И даже по этим небольшим кусочкам видно, что неправильные по форме кубики образовывали на стене неровную поверхность, дающую особенно богатую, вибрирующую игру бликов, мерцающее дробление и преломление лучей света. Это еще больше должно было усиливаться, когда стены храма во время богослужения освещались неровным и трепетным пламенем множества свечей. Такого эффекта, конечно, не могло бы получиться, если бы кубики были все совершенно правильной формы и образовывали абсолютно гладкую поверхность.

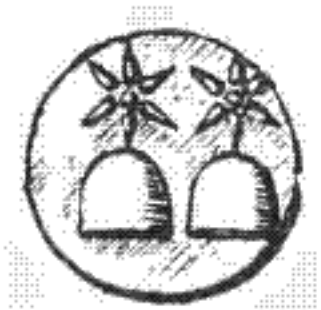


Итак, мозаика эта не имеет отношения к античному Себастополису,

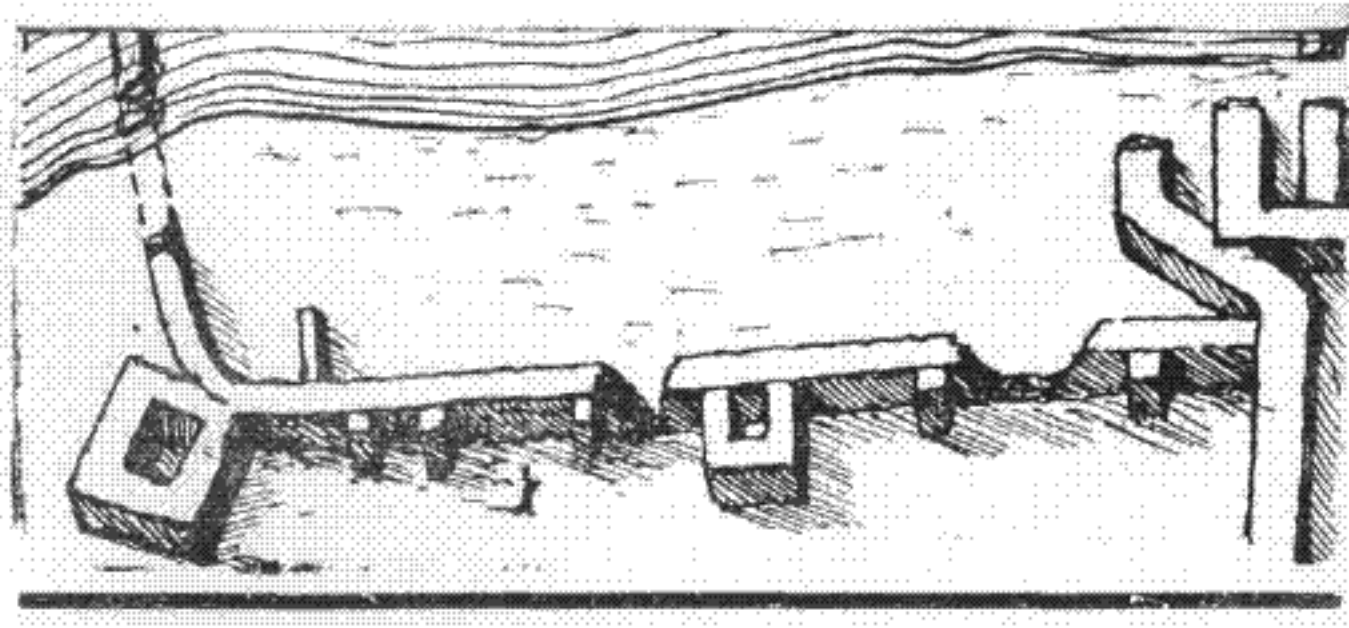
остатки которого мы расчищаем. Храм, стены которого она украшала, был построен спустя много времени после того, как этот город перестал существовать. Однако находка эта представляет особенный и исключительно большой интерес, так как это первый случай обнаружения средневековой стенной мозаики на территории Абхазии.

До расчисток, чтобы датировать найденные под водой обрывки стен, чтобы дать им название, извлеченного из кладки кирпича было, конечно, еще недостаточно, но теперь, когда в наших руках оказалось огромное количество богатейшего материала, не оставалось никаких сомнений в том, что раскрытые на берегу сооружения и составляющие с ними одно целое подводные стены могут быть только остатками Себастополиса, упоминаемого древними авторами и построенного на месте Диоскурии.

Это и был тот недоставaвший аргумент, который перенес вопрос о местонахождении этого города, а значит, и Диоскурии, из области теории и гипотез в область неопровержимой реальности.



ЕЩЕ СТРАНИЦА ИЗ БЛОКНОТА АРХЕОЛОГА



Солнце спускалось к горизонту, окрашивая и небо и море в огненно-багровые и оранжевые цвета.

Рабочий день кончился, но мы с Львом Николаевичем задержались еще на участке, чтобы разобрать и упаковать находки, сделать некоторые записи, зарисовки и обмеры. Нам, как всегда, помогает несколько болельщиков, в основном жителей ближайших домов. А потом, прежде чем уйти домой, мы все сидим на теплых еще после дневной жары камнях парапета, делимся впечатлениями о сегодняшней работе, говорим о прошлом этого города.

Перед нами раскрытые развалины стен, башен и контрфорсов крепости, за нами море, где находится ее продолжение.

- Скажите, пожалуйста,- обращается один из сидящих к Соловьеву,- в «Истории Грузии» говорится, что в VIII веке по Грузии прошел арабский полководец Мурван Кру со своими войсками. Идя к Анакопии, т.е. к нынешнему Новому Афону, он разрушил стены крепостей Келасури и Цхуми. Те ли это стены, которые сейчас вы расчищаете?

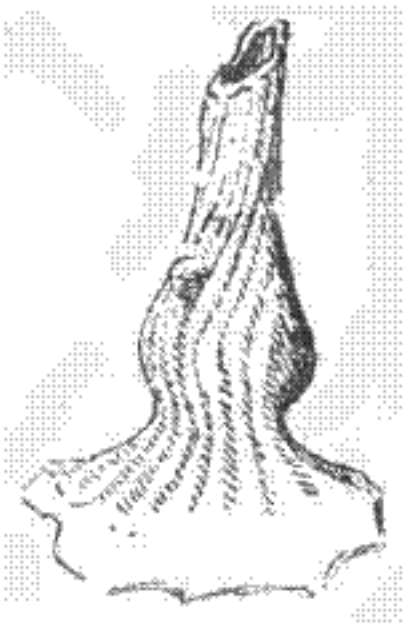
- Нет,- ответил Лев Николаевич, - те стены более позднего времени и были построены императором Юстинианом в VI веке, вместо разрушенных им же во время войны с персами.

- А где эти стены? - послышался вопрос. - О них вы ничего не говорили, когда рассказывали недавно о раскрытых сооружениях.

- Это потому, что здесь их нет, - ответил Лев Николаевич и, увидя удивленные лица сидящих, продолжал: - Видите ли, чтобы стало понятным то, что я хочу сказать, нужно уйти несколько назад, к I веку н.э., когда римские инженеры выбирали место для постройки этой крепости. Решение остановиться именно здесь, на песчаном берегу, окруженном труднопроходимыми трясинами и болотами, было, несомненно, продиктовано тем, что это место им казалось малодоступным и хорошо защищенным от нападений непокорных местных враждебных племен, чего агрессоры, естественно, очень опасались.

Крепость была построена, в ней поселился гарнизон, жизнь города шла

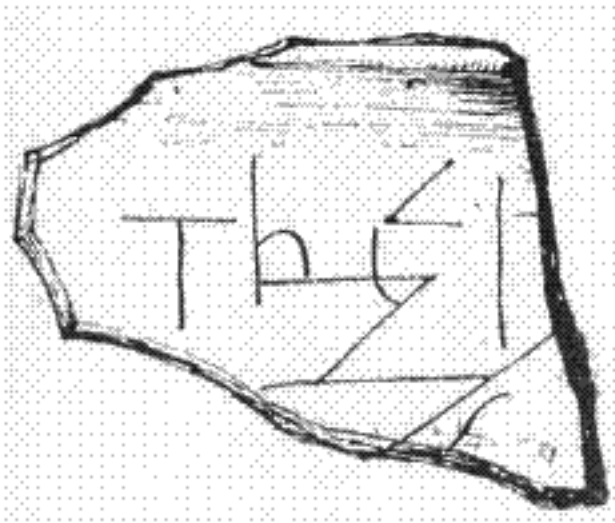
своим чередом, а силы, не до конца еще известные нам, приведшие к гибели Диоскурию, тем временем продолжали свою скрытую разрушительную работу. Стены крепости, как это бывает вообще при оползнях, стали медленно наклоняться в противоположную движению сторону. Еще в IV веке делалась попытка приостановить это наклонение путем подпирания стен мощными контрфорсами. Но эти контрфорсы не только не могли удержать стен, но сами начали наклоняться вместе с ними. Постройка контрфорсов и башен в IV веке говорит о том, что тогда весь прямоугольник стен еще целиком существовал и был на суше. Постепенно - сперва ближайшие к морю башни и стены, затем, более дальние уходили под воду, пока, наконец, вероятно, к началу VI века на суше не осталась лишь та небольшая часть крепости которая, благодаря счастливой случайности, была открыта во время земляных работ горсовета.



Вполне естественно, что инженеры Юстиниана, перед которыми в середине VI века стояла задача восстановить крепость и город, под впечатлением относительной свежести событий побоялись повторить ошибку римлян и отнесли стены Себастополиса несколько в глубь берега.

Этим, несомненно, и нужно объяснить отсутствие здесь, на месте, следов этих юстиниановских крепостных сооружений.

- Ну, а если, - спросил еще кто-то, - как вы говорите, происходил процесс оползания, который погубил Диоскурию, уничтожил большую часть крепости Себастополиса, продолжаясь приблизительно до начала V века,



то почему потом он приостановился и не забрал под воду остальную часть Себастополиса, ту, которая сейчас расчищается?

- Думаю,- ответил Лев Николаевич, - это потому, что то не был оползень в обычном смысле. Огромная его площадь и замедленные темпы движения, растянувшиеся на несколько столетий, говорят за то, что «корень» его был значительно глубже, чем у обычных оползней. Это скорее был некий тектонический сброс в пучину Черного моря. Во всяком случае вопрос этот требует дальнейшего всестороннего изучения, и тут, несомненно, геология поможет тем историческим дисциплинам, которые в настоящее время работают над исследованием судьбы Себастополиса.

- Товарищ Соловьев, - спросил еще один из слушавших, - как же это так получается? Вот вы говорите Себастополис, Севастополь... И в Крыму тоже есть Севастополь, и здесь был. Что же это значит?

- А! - воскликнул Лев Николаевич. - Здесь получился в некоторой степени исторический курьез. И произошел он не с одним Севастополем, но и с названиями некоторых других причерноморских городов нашего Союза.

Известно, что Екатерина II, присоединив к России северное побережье Черного моря, пожелала дать вновь основанным портовым городам те древние названия, которые имели существовавшие здесь когда-то античные колонии. Вызванные для консультации ученые-историки пользовались сведениями, имевшимися в то время, и перепутали места этих колоний. И получилось, что имя древнего Херсонеса, развалины которого находятся

близ нынешнего Севастополя в Крыму, получил по недоразумению город Херсон в устье Днепра. Имя знаменитой в древности Ольвии, стоявшей когда-то на берегах Бугского лимана близ г.Николаева, получил городок Ольвиополь (ныне Первомайск), расположенный совершенно в другом месте. То же произошло и с Одессой. Вот по этой же самой причине имя древнего Себастополиса носит не Сухуми, стоящий на месте его развалин, а прославленный город-крепость на юго-восточном берегу Крыма. Как видите, не только в жизни людей, но и в жизни городов может быть такой курьёз, как потеря паспорта, - закончил Лев Николаевич.

Было уже почти совсем темно. На небе начали появляться и мерцать звезды, и, как бы отвечая им, стали зажигаться огни в городе и в порту.

* * *

К концу июня 1959 года мы с Соловьевым закончили расчистку остатков Себастополиса. Развалины крепости, освобожденные от почти двухтысячелетнего пребывания под землей, стояли, поражая своей мощью и величием даже теперь, когда они сохранились на высоте не более полутора-двух метров, а во дворе института, громоздясь друг на друга, высились десятки ящиков с находками, ожидающими дальнейшей обработки. Затем пошла

камеральная работа, а дальше - наш отчетный доклад в Тбилиси на сессии археологов.

В итоге расчистки удалось получить представления о неожиданно открытых в самом центре города, совершенно неизвестных до сих пор, древних сооружениях Себастополиса. Здесь, несомненно, была одна из наиболее крупных крепостей Кавказского Причерноморья. Эта крепость существовала в продолжение первых четырех веков н.э., то есть в позднеантичное время, а может быть, и в самом начале средневековья. За это время крепость неоднократно переделывалась и пополнялась новыми постройками, что вызывалось не только военными соображениями, но и необходимостью бороться с неблагоприятными стихийными процессами - опусканием берега, наступлением моря, оползнями.

Наука таит в себе тысячи неразгаданных тайн. Многие из них еще ожидают своих исследователей, перед нами как бы лежит огромная еще далеко не целиком прочтенная книга. Большая радость, когда удается открыть в этой книге еще одну новую страницу. Счастливая случайность помогла нам раскрыть тайну города, ушедшего на дно моря, и окончательно разрешить спорный вопрос о его местонахождении.

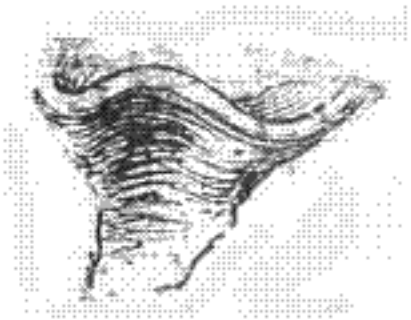
Однако можно ли считать, что, открыв эту страницу, мы смогли полностью прочесть все написанные в ней строки? Все ли вопросы, связанные с Диоскурией и Себастополисом, решены? Имеем ли мы, например, возможность полностью восстановить прежний образ древнего города, развалины

которого сейчас лежат перед нами? Найдутся ли на морском дне остатки Диоскурии так же, как были найдены остатки Себастополиса? А разве до конца известны нам причины, которые привели к гибели оба эти города? Или что представляла собой башня у устья Баслы? Какое было ее назначение? Входила ли сна в комплекс оборонных сооружений или была самостоятельным форпостом у устья реки? А многое ли известно нам о мраморном надгробии с барельефом? Будут ли когда-нибудь найдены ее недостающие части? А храм, который был так богато украшен мозаикой? А сама мозаика? Что мы о ней знаем? Да и в раскрытом комплексе Себастополиса далеко не все еще окончательно ясно, очень многое еще требует уточнения, много еще возникает дополнительных вопросов.

И, несомненно, очень многое из того, что сейчас пока не имеет ответа, получит его, большая часть вопросов будет в конце концов решена.

Это подтверждается, например, таким сопоставлением.

Расчистка Себастополиса, начатая Абхазским институтом в 1958 году, проводилась в основном двумя его сотрудниками. А затем, когда работа окончилась, по всей прилегающей территории начались новые, большие археологические раскопки, проводимые комплексными экспедициями уже двух институтов, со значительным количеством научных сотрудников различных специальностей.



И, конечно, эти последующие работы еще больше углубили и расширили, обогатили и уточнили результаты проведенной до них расчистки.

Из года в год улучшается и совершенствуется оснащение, увеличиваются ассигнования, все больше научных организаций включается в орбиту исследований, все чаще соприкасаются и объединяются для решения тех или иных задач, казалось бы, совершенно различные и далекие друг от друга области науки; а самое главное - это то, что постоянно растет число исследователей-энтузиастов. Это те, кто найдёт ответы на многие еще не решенные вопросы, те, кто сумеет перевернуть и прочесть многие из недоступных нам сейчас страниц большой книги, которую мы чуть-чуть приоткрыли в нашей повести.

